

Валерий Столыпин

Не буди лихо

Рассказы о сложных интимных отношениях

Валерий Столыпин

Не буди лихо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612403

SelfPub; 2023

Аннотация

Любовь – всегда неожиданность. Никто не бывает достаточно подготовленным, чтобы оценить по достоинству, с кем именно связываешь жизнь. Чувственное влечение не позволяет включить оценочное суждение. Врождённые побуждения, усиленные гормонами, весьма мощный физиологический аргумент. Хорошие девочки влюбляются в плохих мальчиков, юноши выбирают ярких истеричек. Даже идеальная гармония характеров и целей таит в себе элементы разрушения и хаоса. Путешествие в мир грёз непредсказуемо, иррационально, непостижимо. Жизнь каждому преподносит серии уроков. Прилежным ученикам судьба даёт шанс изменить будущее, но забывает убрать с дороги грабли, выполняющие чёрную миссию в самый ответственный момент. Любовь оказывается химерой, плодом воспалённого воображения. У героев рассказов из этого сборника всё сложно, порой страшно. Одни выплывают, другие тонут в водовороте страстей. Для того чтобы узнать драматические подробности занимательных историй, нужно открыть книгу и прочесть. Будет интересно.

Содержание

Романтическое свидание	4
Такая же, как тогда	11
На что способен страх	26
Я всё решила	37
Лучшая подруга	50
Пока ты жив	59
Люблю! Люблю! Люблю!	83
Зина, Зиночка, Зинуля!	98
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Валерий Столыпин

Не буди лихо

Романтическое свидание

Умная дура и глупая умница...

Как хорошо они вместе рифмуются!

Андрей Олегович

День такой хороший, настроение романтическое, почти праздничное. А мне как назло работать и работать.

Магнитола выдаёт нечто лирическое, настраивающее на отдых, романтику и любовь, как раз под сегодняшнее настроение – *«У моря, у синего моря, со мною ты рядом со мною. И солнце светит лишь для нас с тобой, целый день шумит прибой. Прозрачное небо над нами и чайки кричат над волнами. Кричат, что рядом будем мы всегда. Словно небо и вода...»*

Ноги и руки сами идут в пляс. Хорошо!

Лето в самом разгаре. Зелёное растительное море, непохожее на далёкое от моего города синего, которое почему-то Чёрное, невесомо колышется под лёгким ветерком.

Немного жарко, но в тени, где я ожидаю очередных пассажиров, просто замечательно. Так бы и задремал, представляя шум морского прибоя, яркое солнце в закрытых глазах,

свежий солёный запах лёгкого бриза.

Когда работаешь в такси, время сжимается, превращается в концентрат: ведь ты не сидишь на одном месте – суетишься, мечешься, словно Фигаро, между адресами и объектами, сталкиваясь, вольно и невольно, с множеством коротких и длинных историй, даже порой принимаешь в некоторых разной интенсивности и глубины участие.

Приходится мимолётом общаться с массой разных людей, которые спеша куда-то обычно пролетают мимо, лишь слегка задевая, словно тот ветерок, иногда обдавая теплом, чаще холодом.

Чужая жизнь: не захочешь, а становишься невольным свидетелем. Вот и сейчас что-то любопытное назревает.

В пяти метрах от меня стоит девушка в полупрозрачном воздушном платье персикового цвета с воланами, отороченном лёгкими изящными кружевами, подчеркивающими её вполне ещё нежный возраст, упругую стройность, хрупкость, скромность, привлекательность, даже стиль.

Загляделся невольно, залюбовался гибкой пластикой, привлекательностью плавных волнующих изгибов тела, кошачьей грацией, просыпающейся застенчивой женственностью.

Согласитесь, приятно смотреть на цветущую, просто бушующую, до неприличия быющую в глаза молодость.

Пышные волосы прелестницы рассыпаны по плечам, отдельные пушистые локоны летают, кружатся в разогретом

воздухе. Девушка поправляет их то и дело, одёргивает края взлетающего как крылья бабочки подола, едва прикрывающего трусики в цвет платья.

Её тонкие руки любовно поправляют наряд и причёску.

Изредка она бросает взгляд на свои стройные ножки, вытягивая то одну, то другую, явно любуясь. Оценивает свои достоинства – не иначе.

Кто его знает, что у девочки на уме. Она, волнуется, часто подносит к глазам дисплей телефона. Лицо сосредоточенное, одухотворённое. Кокетка явно счастлива.

Ждёт кого-то. Наверняка влюблена.

Эх, где мои семнадцать лет!

Пролетела жизнь, торопясь куда-то, меняя аллюр с шага на галоп и обратно. Трясла, пытаюсь сбросить, порой колошматила, словно дорожную сумку на полном скаку о потный круп лошади.

Усидел, справился, приспособился, нашёл вполне комфортные позы, чтобы не слишком уставать и всегда чувствовать себя способным проскакать хоть сколько, если понадобится.

А ведь и мне когда-то везло с той самой любовью: романтической, чувственной, расчудесной. Испытал. В полной мере насладился. Пусть и недолго, а всё одно запомнилась навсегда.

Навстречу девушке скорым размашистым шагом стремительно и нетерпеливо приближается юноша: коренастый,

поджарый, с мощными плечами, спортивным торсом и волевым лицом. При костюме и галстукe. В такую-то погоду. С огромным букетом, надо же, персикового цвета хризантем, как и её замечательное платье.

Догадался, совпадение, заказ? Каков молодец!

На лице его ликование и улыбка.

Руки юноши разведены в стороны, призывают к немедленному объятию.

Девушка сорвалась с места, побежала вприпрыжку, как делают это маленькие девочки, подпрыгивая на одной ноге, затем на другой, чтобы ускорить движение.

Объятие, ликование, смачный поцелуй!

Долгий, порывистый, страстный.

Я даже подался вперёд, явно помогая эмоциями и напряжением в теле влюблённым, переживая вместе с ними такой искренний и долгожданный момент счастья.

Теперь они стоят чуть дальше от меня.

Жаль, совсем не слышно, о чём воркуют эти возбуждённые встречи голубки.

Неожиданно и резко на глазах девчонки выступают слёзы.

Она прижимается к кавалеру, кладёт голову ему на грудь.

Тот грубо и резко отталкивает девушку, начинает метаться: два шага влево, два вправо. Жестикულიрует, размахивает руками, всем видом выказывая раздражение и недовольство.

Девушка стоит перед ним, не двигаясь, лишь терепит нетерпеливо подол платья и ковыряет носочком туфельки

землю, словно не ведает, как оправдаться.

Взрыв его эмоций и невольное движение подруги, пытающейся в паузах его гнева вставить слово или объяснить нечто.

Тщетно. Мальчишка похож на грозовую тучу, которая вот-вот прольётся дождём, предварительно разметав вокруг громы и молнии.

Девочка напряглась, сжалась как пружина. На её испуганном лице неподдельный ужас.

Вот сейчас, я это чувствую, наступит некая непредвиденная кульминация.

Так захотелось, чтобы юноша остановился в своём грубом, непристойном для мужчины порыве, чтобы улыбнулся, как тогда, в самом начале.

Нет!

Вместо примирения последовал удар.

В лицо. Сильный. Наотмашь.

Так бьются на ринге.

Затем серия ударов с двух рук, как бьют на тренировках манекены и груши.

Голова девчонки летает: вправо-влево.

Хлынула кровь, забрызгав персиковое красным, моментально превратив его в нечто порочное, грязное и неприглядное.

Бьёт умело, не давая упасть, жестко и жестоко.

Я выпрыгиваю из машины, подбегаю, хватаю его руку на

замахе, слегка выкручиваю её и кричу, – брэк, брэк! Успокойся, хлопчик. Это же девочка! Ты не на ринге, а она не соперник тебе. В ней килограммов сорок, в тебе минимум семьдесят. Девушка, вам нужна помощь? У вас кровь, и губа рассечена. Вот, возьмите платок, прижмите, хотя бы.

– Скотина, – кричит она на меня, – подонок, живодёр! Отпусти его сейчас же.

Девушка хватает кусок кирпича и с размаху кидает мне в голову. Я отскакиваю, выпустив вместе с тем руку парня, едва успеваю увернуться от просвистевшего снаряда.

Теперь они объединились и наступают на меня. Я отхожу на шаг или два, показываю им раскрытые руки, демонстрирую отсутствие агрессивности, намерения драться.

– Успокойтесь! Лучше подумайте о том, что произошло между вами. Моя задача вас разнять и только. Если хотите, девушка, можете идти. Он, больше вас не тронет. Ручаюсь.

– Не твоё собачье дело! Какого чёрта, ты влез в наши отношения, – кричит девушка, – это, мой жених. Мы сами разберемся! Нам не нужны непрошенные помощники.

– Я заметил, – говорю с сарказмом, – определённо это был явный любовный порыв. Удар в лицо как нежное и чувственное признание в любви. Страстно, до жути оригинально, не правда ли?

– Ты ещё здесь, урод, – кричит разбушевавшийся жених и летит ко мне с явным намерением нанести удар. Уклоняюсь, автоматически вставая в стойку. Видно драки не избежать.

У таксистов быстрая реакция, враждебные выпады – не редкость в нашем нелёгком ремесле.

Мальчишка нападает снова, запуская ракетой в направлении моей головы внушительный кулак.

Приходится отвечать ударом в подбородок, иначе его не остановить.

Он падает, как столб, на который наехала машина, с грохотом и немножко с хрустом.

Минут пять лежит, не двигаясь.

Девчонка, выплевывая кровь из рассечённой губы, дует на его лицо, целует, оставляя на нём кровавые следы нежных прикосновений, вытирает его грязным уже порядком платком.

У неё быстро и уверенно заплывает глаз. Второй смотрит на меня с ненавистью.

Сейчас она похожа на тигрицу, готовую разорвать меня в клочья.

Вскоре мальчишка очнулся. Потряс головой. Оттолкнул девочку. Встал.

Она попыталась его обнять.

Реакция юноши меня потрясла и огорошила: неожиданный, сильный удар коленом в живот.

Точно жених. Любимый вряд ли позволил бы себе подобную вольность.

– Ромочка, Рома! Я ведь тебя люблю! Сильно – сильно. Мне ведь не больно совсем.

Такая же, как тогда

*Другая сторона моей луны
Заглядывает в комнатные сны,
Минуя маяки и якоря, –
Мои моря волнуются не зря:
Луна лучами трогает песок,
Нечаянно касаясь голых ног,
Она рисует знаки на воде,
Невидимые для других людей,
Она скалу стирает в порошок
И говорит – "всё будет хорошо",
Её слова фальшивы и темны, –
Но я спешу на зов моей луны.
Елена Ивченко*

Человек, даже самый-самый одинокий, абсолютно не романтичный, пусть циничный и чёрствый, живёт среди людей и не может не общаться. В скорлупу беспомощного отчуждения, в принудительную изоляцию от нравственного и эстетического влияния на собственную личность мира, в озабоченную настороженность по поводу всего, что его окружает, в агрессивную враждебность к людям, в холодное равнодушие и предубеждение он упаковывает себя сам.

Каждый оказывается внутри гнетущей пустоты, следуя разными тропами, иногда настолько экзотическими, что ди-

ву даёшься.

Третий год пошёл, как я болезненно, очень некрасиво, даже жёстко расстался с женой, но всё ещё переживаю мучительное, ноющее фантомное увечье, не в силах окончательно отторгнуть воспалённую опухоль, возникшую на том месте, где обитала любовь.

Крушение устоявшихся отношений подобно сокрушительному нокауту выбивает из тела дух с непредсказуемыми последствиями.

Попытки излечиться от недуга я предпринимал неоднократно: несколько раз пытался выстраивать отношения с женщинами, по большей части одинокими и неприкаянными, которые тоже были травмированы подобным образом. Таковы реалии среднего возраста.

Разведёнок и брошенок в близком ко мне окружении оказалось достаточно много, чего прежде я абсолютно не замечал.

Внешне эти дамы выглядели вполне благополучно, респектабельно, казались счастливыми, довольными жизнью. Впечатление оказывалось обманчивым. Стоило к ним прикоснуться, даже на уровне солидарности с общими проблемами, по поводу искренней симпатии или участливого сочувствия, как они стряхивали с себя непробиваемую броню эмоционального оцепенения.

Дамы расслаблялись, мгновенно теряли способность к сценической театральности бытового и интимного поведе-

ния, показывали во всей неприглядности трогательную беспомощность, унижительную беззащитность и болезненную хрупкость – всё, что старательно скрывали от враждебной среды обитания.

Чтобы выжить в быстро меняющемся мире, нужно быть сильным, в особенности, когда сложностей слишком много, а ты один.

Взволнованные приятельницы погружались с головой в гранитную толщу тягостных романтических воспоминаний, начинали отчаянно теревить свои и мои трепетные духовные струны, заполняли пустоту тоннами закапсулированных обид и нестерпимо ноющей боли по поводу несостоявшегося счастья, пытаясь не столько вызвать сочувствие, сколько желая слить вовне осадок от накопившегося душевного мусора.

То, что мир вокруг не становится чище, когда свалка отходов перемещается в другое место, нам невдомёк.

Почти все предлагали утилизировать нравственные страдания совместно, коллегиально облегчить непереносимые душевные муки, преимущественно с помощью классической методики восстановления психического и физического здоровья методом погружения в мир грёз – заняться сексом, чтобы заглушить хоть на время боль, чтобы избавиться от страданий.

Это не был тот, переполненный гормонами, фантазиями, эмоциями страсти и любовного восторга эротический поединок романтически настроенных соперников, от которо-

го “напрочь сносит крышу”, скорее стон, причитания о злощастной судьбе, которая всегда всё портит.

Женщиной, которая вывела меня из этого ледяного оцепенения, стала Элина, привлекательная миниатюрная блондинка, приехавшая на заработки из Киева.

Работала она в передвижном вагончике, увлечённо, даже с видимым азартом торговала там же приготавливаемым фаст-фудом.

На её лице всегда сияла загадочная улыбка, голос переливался звонкими трелями – красивый, мелодичный, можно сказать поющий голос.

Эти приятные вибрации пробуждали воображение, вызывая неодолимое желание разделить с ней собственное счастье, удвоив его взаимностью.

Потребность в неравнодушном сближении ввиду длительного интимного воздержания по не зависящим от меня обстоятельствам, возбуждать не было особенной надобности: изрядный избыток тестостерона лез у меня изо всех щелей.

От женщины исходил божественный аромат, опьяняющий на расстоянии. Удивительно аппетитный запах, удвоенный силой улыбки и редкостной общительностью, привлекал, манил, будоражил причудливыми романтическими фантазиями, дарил хорошее настроение.

Без повода, просто так. Потому, что она такая необыкновенная, потому, что она просто есть.

Ладно скроенная фигура, дополненная очаровательными

женственными жестами, изысканная, мягкая, плавная манера двигаться, вызывала у меня не очень скромные желания.

Она была не просто хорошенькой – очаровательной.

Возможно, это лишь иллюзия, но для меня причина восхищения и симпатии не была особенно важной частью физического и духовного влечения. Я грезил наяву, причём, весьма продуктивно.

Общались мы с весёлой кухаркой неделю, или около того, через маленькое окошко вагончика. Потом я осмелел от желания и собственных иллюзий, потому пригласил Элину на свидание, что, признаюсь, далось весьма нелегко, ввиду отсутствия опыта общения с девушками без прошлого, а ещё по причине массы накопленных в неудачном браке негативных впечатлений.

Отказа не последовало.

Эля звонко хихикнула, томно повела соблазнительно оголённым плечиком, игриво хлопнула бархатными ресничками, кокетливо приложила пальчик к естественно ярким губам и заговорщически подмигнула, – это будет секретная миссия, – шепнула она, приблизив лицо на предельно допустимое расстояние, – никому ни слова. Закрою киоск в восемь вечера. С нетерпением буду ждать.

Несмотря на годы семейной жизни, на наличие в арсенале незыблемых социальных ценностей дочери и сына, которых воспитывал один, вёл я себя как мальчишка. Сердце выступивало мелодию любви во всех без исключения клеточках

тела, душа пела и стонала от радости.

Я ликовал, целый день был сам не свой, вёл себя нелогично, быстро перемещался из одной крайности в другую. То трепетал от наслаждения и подпрыгивал, то нервничал, раздражаясь по пустякам, то смаковал детали будущего свидания, смущаясь откровенным цинизмом нескромных желаний, то потел, суетился, и трусил. Совсем как школьник перед первым свиданием.

Эля была такая необыкновенная, такая желанная.

Люди редко бывают одинаковыми, ровными в поведении и вообще, они постоянно меняются, мимикрируют, подстраиваются под обстоятельства, но такой загадочной, такой разнообразной и живой женщины я до сих пор не встречал.

Впрочем, это не удивительно, я ведь общался с Элиной через окошко вагончика, хорошо рассмотреть мог лишь лицо, глаза и руки. Я даже не знал, какого цвета у неё волосы, потому, что они были плотно упакованы в белоснежный платок.

Собственно самое первое, что я в ней заметил – огромной величины выразительные серые глаза. Я тогда был уставшим и голодным, хотел перекусить на скорую руку, а тут эти искрящиеся удивительно доброй энергией открытые омуты. Вдобавок обворожительный голос и милая улыбка, словно индивидуально предназначенная именно мне.

Помнится, в первый раз я слегка раздражённо подумал, – кто ты такая, чтобы носить столь роскошные глаза!

Стоит тут, приманивает показной невинностью, а сама, небось...

Впрочем, неважно, что я подумал именно тогда. Во мне прочно сидело раздражение по поводу вероломной жены, бросившей меня и детей на произвол судьбы в частности, и женщин вообще, как классических представительниц этого коварного племени.

Тогда ещё меня невозможно было очаровать даже такой сладкой приманкой.

Пока я ел горячий хот-дог с горчичным соусом, мысли от беспричинной неприязни и осуждения совершили кругосветное путешествие, успев за короткое время поменять полюса восприятия.

Мне показалось, что это не просто симпатия, что это любовь с первого взгляда.

Глаза... да, они были необыкновенные, бесподобные.

Руки... мне казалось, что разглядел их внимательно. Оказалось – нет. Это были изящные руки-крылья, как у танцовщицы. Она могла разговаривать ими без слов.

Наверно будет изумительно приятно, если меня обнимут эти трепетно-нежные, изящные, с прозрачным мраморным узором кровеносных сосудов, просвечивающих сквозь тонкую кожу ручки.

Да, приблизительно так и подумал. Я ведь её на свидание пригласил, а не на детский утренник. Конечно, мечтал прижать девочку к себе, чувствовал наяву вкус медового поце-

лдя, и не только.

О чём я говорю! Мы же не воспитанники интерната благородных мальчиков.

Я мечтал о большем, обо всём, чем природа предопределила заниматься взрослым особям обоего пола, когда они объединяют помыслы, когда глядят друг на друга не просто с вожделением – с любовью и верой.

Строя серьёзные планы на дальнейшую жизнь, конечно же, с ней под одной крышей, ведь я человек сугубо семейный, потому заниматься баловством не с руки, пришлось мечтать на годы вперёд.

Элина жила на съёмной квартире одна, совсем одна. Это обнадёживало.

Она вышла из вагончика, приветливо помахала ручкой, изобразила жестом необходимость немного обождать, затем развернулась, наклонилась к замочной скважине.

Фигура её в красивом лёгком платье была бесподобна. Фантастически стройный силуэт, осиная талия, аппетитный зад. Господи, я и это успел отметить!

Мне стало немножко не по себе, оттого, что буквально через минуту надо начать общаться на несколько ином уровне.

Эти соблазнительные ямочки под коленками, белоснежная кожа элегантных маленьких ножек, заманчиво уходящих куда-то вглубь расклевённой юбочки. Я невольно загляделся, мечтательно приоткрыв рот. Голова закружилась, поползла куда-то вбок и вниз.

Я покраснел. Элина могла заметить мой плотоядный взгляд, моё недвусмысленное состояние.

Она повернулась, метнула на меня окончательно парализующий волю взгляд. Её руки выше локтя, грудь и плечи неожиданно покрылись мурашками. Я даже почувствовал физически, как они нагло вскакивают на нежной коже.

– Ты замёрзла, моя фея, тебе холодно!

– Рядом с таким горячим мужчиной! Вовсе нет. Просто ты так посмотрел, я проследила – куда именно.

– Извини, не хотел тебя смутить. Просто ты такая... необыкновенная.

– Знаю, – женщина энергично покрутилась, давая рассмотреть себя со всех сторон, – я всех очаровываю. Куда пойдём?

– Куда бы ты хотела?

– Ну, для начала... для начала можно в кино. Или на танцы. Ты танцуешь? Я ужасно люблю танцевать, особенно танго, фокстрот, вальс. Я училась в школе танцев, даже выступала какое-то время.

– Не могу похвастаться тем же. Умею топтаться под музыку, в обнимку, только и всего.

– Тогда кино.

Элина увлечённо смотрела фильм, переживала за героев, я видел только её лицо, её руки, светящиеся в мерцающем свете, её круглые коленки. Моя физиономия пылала, словно сидел на полке в раскалённой сауне. Руки тряслись от жела-

ния прикоснуться, но это казалось неслыханной дерзостью.

Кажется, я слегка вывихнул глаза. Борьба с наваждением и вожделением одновременно было довольно сложно, поэтому я затаил дыхание и всё-таки взял Элину за руку.

Девушка посмотрела на меня, задержав взгляд немного дольше, чем следовало, и ободряюще улыбнулась.

Первый этап пройден, ура!

Дальше было проще. Где-то в конце фильма мы уже потихоньку целовались.

У Элины оказалась такая чувствительная, такая волшебного-бархатистая, такая нежная и желанная кожа. Она так страстно позволяла себя целовать, что я не выдержал напряжения.

Время остановилось, но настойчиво тикало в мозгу и намного ниже. Казалось, что оно бесцеремонно подглядывает, как я глажу её голую коленку, как стараюсь незаметно прижаться к груди, как незаметно, буквально по миллиметру, рука проскальзывала под лёгкую ткань платья.

Кино мы так и не досмотрели. Видимо её мысли тоже крутились вокруг и около интимного общения.

По дороге домой, было уже довольно темно, мы целовались и обнимались, останавливаясь у каждого препятствия. Такой сладости, такого концентрированного терпко-медово-фруктового вкуса поцелуев я никогда ещё не пробовал.

Потом она неожиданно остановилась и спокойно, совсем без эмоций, сказала, – до завтра, было приятно познакомиться-

ся.

Я понуро побрёл домой, где меня с нетерпением ждали дети. Они уже поели. Ужин был приготовлено заранее. Они просто хотели увидеть меня, удостовериться, что с папой всё в полном порядке.

Это было так мило, особенно после того, что я только что испытал. Я едва не заплакал от умиления. И принялся ждать завтра, которое обещала Эля.

Что я себе воображал, о чём грезил! О, разве такое волшебное состояние можно описать словами?

Нет, нет и нет... таких слов ещё не придумали.

А ещё думал о том, чего конкретно могу ей дать, чем поразить восприимчивое к чудесам девичье воображение.

Наверно это было самое главное.

Похоже, я абсолютно потерял голову.

На следующий день мы долго гуляли в парке, потом у пруда, говорили, говорили, говорили.

Совершенно не помню о чём.

Я не слушал и не слышал, просто чувствовал. Ощущал её слова и фразы как прикосновения.

Да, мы держались за руки. Я был предельно счастлив.

Не хватало лишь одного, но очень важного аспекта взаимного единения. После пятнадцати лет брака о горизонтальном интимном общении невозможно не думать, особенно если не обнимал женщину, имея в виду полное слияние, год или около того.

Я дождался темноты и предложил... выпить чая. Конечно же, чая, с пирожными и конфетами, совместно с детьми.

Элина уже знала, что у меня двое детей. Я тоже знал, откуда она приехала, о том, что она замужем и имеет дочку, но с мужем давно не живёт, потому, что, – потому, что это неважно.

Элина не ответила, почему, – так надо, я бы не хотела... это настолько личное, болезненное, не до конца прочувствованное. Давай не будем возвращаться к этой теме... хорошо!?

Дети приняли её спокойно. Попили чай и ушли в свою комнату.

Мы опять беседовали. Точнее, говорила Элина, я путешествовал руками и глазами... везде, где было дозволено. О том, чего нельзя, можно было догадаться по перемене интонации, по напряжению мимики и мышц.

Не представляете, как приятно было медленно узнавать друг друга.

Столько всего интересного было сосредоточено в этой маленькой фее, что я предложил остаться, но словно выстрела в голову опасался, ожидал отказа.

– Тогда я в душ, – запросто сказала Элина, – дай полотенце. И халат... если есть.

– Неужели так просто, – удивился я, – это потому, что мы выросли, стали взрослыми?

Я был потрясён и очарован открытиями. Это была моя

женщина. Такого как с ней я не испытывал даже на первом в жизни свидании.

Чем дальше, тем сильнее и глубже я сходил с ума.

Мы вытворяли такое, чего даже в самых дерзких видениях не мог себе представить. С Элиной было легко, беззаботно, светло и радостно.

Мимо неё невозможно было пройти просто так. Эта женщина возбуждала меня даже напоминанием о любой из букв, из которых состояло её имя, не говоря уже про оттенки интимных запахов, про вкус поцелуя, ощущения от прикосновений.

Каждый день я узнавал что-то новое и не мог понять, где она скрывает свои самые сокровенные тайны. Вроде вчера обследовал каждый миллиметр её тела губами, руками, а сегодня Элина опять предьявляла нечто такое, отчего впору тронуться умом.

Не поверите, я мог испытать настоящий оргазм, просто пристально вглядываясь в её удивительные глаза, даже не прикасаясь вовсе.

Глядя на Элину, я забывал обо всём на свете.

До и после слияния мы обязательно танцевали. Оказалось, что я неплохо умею это делать, просто никогда не практиковался. Наверно всегда умел, но не знал об этом.

– У тебя природная способность импровизировать, слышать музыку и ритм, – удивлялась Эля.

Мы могли беситься до самого утра, только тихо, чтобы не

разбудить ребяташек. То пили чай, то танцевали, то вновь прыгали в постель.

Потом Элина неожиданно, вдруг, затосковала. Во всяком случае, что-то в нашем общении резко изменилось.

– Мне нужно ехать домой, – сказала она.

– Ты же потом приедешь? Я не успел сказать, точнее, стеснялся, всё время оставлял этот разговор на потом. Прости, может быть сейчас это не очень кстати, выходи за меня... я тебя так полюбил.

– Ты забыл, я замужем.

– Разведись, заberi дочь. Мы справимся. Нам будет хорошо, вот увидишь.

Мы обо всём договорились, всё решили. Я, Элина, мои дети, её дочка будем жить вместе. Немного подождать и станем полноценной семьёй.

Нет, не так, позже выяснилось, что это я решил, а не она.

Я ждал Элину, спал в обнимку с платьями, сохраняющими энергию и божественные запахи её тела. Она даже сумочку оставила у меня.

Вот только адреса, где живёт там, в Киеве, я не знал. Может быть в сумочке!

Там была старая косметичка с почти использованной парфюмерией, початая пачка сигарет и несколько коротких писем без конвертов.

“Я вычислил, где ты прячешься. От меня не скроешься, из-под земли достану. Как видишь, знаю твой адрес. И не

только. Люська, твоя лучшая подружка, по чьему паспорту ты устроилась работать, я её немного пощекотал пёрышком, кое-чем ещё расшевелил, она и призналась. Письма твои показала. Мы их потом вместе почитаем. Увлекательное чтение. Антон твой пусть пока живёт, про тебя пока не знаю – не решил. Как вести себя будешь. Короче приезжай, разбираться будем. И не вздумай свинтить, у нас дочь – не забывай. Со мной шутки плохи – сама знаешь, любовь моя”

Сказать, что я испытал шок – ничего не сказать. Меня опустили в воду, утопили, потом долго отжимали уже не вполне живого, затем сделали искусственное дыхание и без наркоза содрали шкуру.

Но я выжил, чего нельзя сказать о ней.

Элину я искал почти год, это оказалось совсем непросто.

И вот я здесь, рядом с ней.

– Наконец-то мы встретились, любимая. Как долго я тебя искал, сколько слёз пролил. Да, мужчины тоже плачут. Ты об этом не знала! Я каждый день думал о тебе, о том, где ты, как ты... Эти страшные письма. Я читал их до тех пор, пока не выучил наизусть. Запомнил каждое слово. Мы его найдём, обязательно найдём, и накажем. Такое не прощают.

Слёзы отчаяния стекали по моему лицу.

Элина смотрела на меня огромными серыми глазами и улыбалась с холодного гранитного памятника.

Такая же, как тогда.

На что способен страх

*Хлипкий, убогий мир, состоящий из мягких стен, –
Только в них и стучат, когда ты по корки выжмат...
Быть может, только странный душевный теплообмен –
Это и есть здесь единственный способ выжить*
Екатерина Ермолина

В северной деревне жизнь без привычки удручающе скудная и скучная.

Чтобы долго не рассказывать, что и как, скажу лишь, что радио и телевидение до тех мест, в которых происходили события, о которых идёт речь в этом повествовании, так и не добрались.

Естественно, что людям, живущим в российской глубинке, не до моды: что одежда, что обувь – без излишеств. Главное, чтобы удобно было носить: тепло, сухо и не жалко испачкать, потому, что дорог там нет и в помине.

Стоит пройти дождю, как короткое путешествие даже по центральной улице становится опасным предприятием.

Основные детали сельского гардероба – резиновые сапоги и ватник.

Но иногда мы выезжаем “в свет” – направляемся по разным причинам на автобусе в посёлок, и тогда приходится прихорашиваться. Правда, в парадной одежде мы выйдем тоже своеобразно: возможности деревенского быта весьма

ограничены.

Недавно мы отправились в вояж по магазинам за мелкой хозяйственной надобностью.

Лизе, моей девушке с недавнего времени, в магазинной толчее неловко наступили на сапог, у которого сразу отлетел каблук и подмётка целиком.

В сапожной мастерской нам сказали, что случай безнадежный.

Печально. На новую обувь денег не хватило.

Мы ещё только учились жить самостоятельно, накоплений не имели.

Я – начинающий зоотехник, она – продавец-практикант. Наши зарплаты больше похожи на пособие по безработице, чем на средства, позволяющие что-то необходимое приобрести.

Пришлось завязать сапог куском ткани и ковылять в таком непрезентабельном виде.

За неимением сменной обуви – неприятность серьёзная.

Деньги на новые сапоги для подружки я занял, но среди недели организовать поездку не получилось. Ждали выходной.

Обулись в резиновые сапоги: не хотел лишний раз огорчать подругу. В принципе ничего особенного – никто внимания не обратил. Во всяком случае, косых взглядов я не заметил.

Переполненный до отказа проходящий мимо деревни ав-

тобус пришёл с опозданием. Мы с трудом втиснулись на заднюю площадку ПАЗика и подпрыгивали всю дорогу на каждой кочке.

На севере нет дорог, только направления движения.

Мы с Лизой тряслись в ужасно неудобных позах, время от времени врезались в низкий потолок салона, хотя росту оба невысокого.

Лицом к нам впритирку стояла худенькая рыжая девчонка лет пятнадцати.

Огненная грива распущенных волос рассыпалась по её плечам чуть не до пояса. Белоснежная кожа, усеянная сплошь конопухами, пухлые детские губки и настороженный отчего-то, совсем не детский взгляд.

Ребёнок как-то странно жался к нам с Лизой.

Возможно, в тесноте так казалось, но притиралась девчушка настолько плотно, что я чувствовал тепло её тела и запах женственности.

Ничего, потерпим: привычные.

Наверно упасть боится, хотя в такой давке провалиться проблематично.

Девочка нервничала, маневрировала, пыталась пробраться к нам за спину .

Через некоторое время я начинаю понимать, почему: два взрослых мужика за её спиной похоже рукоблудят.

Присмотрелся внимательно к этим попутчикам: мрачные типы, жутковатые, зловещие.

Удивительно неприятные субъекты однозначно и явно из породы лагерных сидельцев: на всех пальцах наколки с перстнями, рты блестят золочёными фиксами, наглый блуждающий взгляд обшаривает силуэты пассажиров.

У одного из них рваный шрам через всю щёку, у другого отсутствовала нижняя часть уха. Оба на голову выше девочки, хотя та нормального для её лет среднего роста.

Блатные перешёптывались, хищно скалились, возбуждённо гоготали, отпуская в адрес девочки вульгарные скабрёзности, и нахально лапали за грудь, вызывая у той безотчетный страх и паническую растерянность.

Ребёнок взглядом просил взять себя под защиту, но пассажиры, в том числе и я, безмолвствовали, застенчиво отворачивая взгляды. Казалось, что невольные зрители даже дышат через раз.

Страшно всем.

Я незаметными движениями пытался отодвинуть девочку за свою спину.

Один из негодяев нагло ухватил её за руку, тянет к себе, улыбаясь во весь фиксатый рот, – куда ж ты рыжуха... от женихов, счастья своего не ведаешь. Мы к тебе с душой, с любовью пламенной. Нехорошо! Ты нам теперь по жизни обязана. С нами и сойдёшь, когда скажем.

– Ну-ка поворотись... сиськи-то у тебя имеются, – шипел второй, пытаясь за ворот притянуть девочку к себе.

– Впрочем, без разницы, лишь бы дырки не заросли, да

Пьеро?

– Давненько мы свежатинкой не угощались, соскучились по женской ласке. Похоже, повезло нам сегодня, братан, девка-то недёржаная. Да не трясись так, малявка. Это хорошо, что боишься, сговорчивей будешь.

– А ты, фраерок, – обратился он ко мне, – не лезь на рожон, если жить хочешь. Твоё дело – сторона. За своей тёлкой смотри, а то мы и её оприходуем. Стояка за отсидку накопили – за месяц не истратить.

– Зовут-то тебя как, маруха, – уже не стесняясь, во весь голос спросил тот, кого называли Пьеро, видно почуяли, что народ боится, – не Алёна, случаем? У меня до зоны такая классная Алёнушка была: ненасытная, тесная во всех местах, горячая, юркая. Какой мы с ней кардебалет исполняли, просто сказка!

– Да ты зенками-то не лупай, а то неровён час в один из них заточка прилетит, – снова обращается уголовник ко мне.

– Да ладно, шучу! Я парень весёлый, покладистый. Мне бы поржать. Отверни рыло, кому сказал.

– Так это... не услышал я твоего имени, подруга. Ещё раз спрошу, не ответишь – пожалеешь, что родилась. Ну же, повторить?

– Ирина, – заикаясь, дрожа всем телом, прошептала девочка.

– Громче!

– Ира.

– Ирочка... с очень мокрой дырочкой. Два раза повторять не собираюсь. Вопрос – ответ, усекла! Ничего, за неделю обломаем. Еж – птица гордая, не пнёшь – не полетит. Будешь послушной – не обидим.

Лиза начала нетерпеливо дёргать меня за руку, чувствуя горячее продолжение (северяне часто сталкиваются с хамским поведением сидельцев). Её лицо налилось кровью и страхом, глаза округлились.

Публика, демонстративно отвернувшись, уставилась в окна.

Сидельцы уже не таились, почувствовав силу, увидели сковавший сопротивление страх.

Воздух был до отказа наполнен сгустками чёрной энергии.

Шрам, это тот, у которого щека разрублена, нахально растегнул верхнюю пуговицу на пальто пигалицы и запустил татуированную пятерню запазуху.

Ирина еле слышно пискнула, затаила дыхание, закрыв глаза, сжалась в комок.

Лицо девочки парализовано, искажено смертельным ужасом.

– А чё, братан, нормальные сиськи... любимый размер. Не боись, жить будешь. Недельку поиграем и отпустим. Да, Пьеро?

Тот довольно осклабился в щербатой улыбке, больше похожей на оскал, и загоготал.

– Чур, я первый. Люблю целину пахать и упаковки распе-

чатывать. Тебе подруга понравится. У меня в головку семь штук шаров вмонтировано. Для тебя старался, родная, чтобы удовольствие получила на полную катушку. Не пожалей. Да не млей ты, поначалу все не хотят. Потом понравится – за уши не оттащишь.

Урки, уверовав в безнаказанность, начали наглеть, не стесняясь никого и ничего.

У меня поджилки дрожали, руки-ноги тряслись. По телу противно ползали полчища мурашек, голова раскалывалась от напряжения, от которого я не видел избавления. К горлу подступала тошнота.

В ушах звенело. Никаких мыслей, кроме желания, чтобы это всё оказалось иллюзией, не было.

Девушку было невыносимо жалко. Представляю, что происходило с ней, если у меня начался приступ паники.

На каком-то очередном бесцеремонном коленце обнаглевшей в конец парочки меня переклинило: страх за Иришку пересилил ужас, сковавший липкими оковами, заставил влезть между Шрамом и девушкой.

Пьеро мгновенно, словно из воздуха, ловко материализовал внушительного размера нож, прижал к моему глазу, ощерился, теперь уже угрожая реально.

Шрам попытался ударить меня коленом в пах, но промазал. Пьеро отдёргнул нож, боясь видимо применять его в автобусе.

Кто знает, чем он руководствовался, но убрал лезвие и за-

мешкался, а я, больше от испуга, чем в приступе храбрости, врезал ему головой в нос.

Пьеро заверещал, схватившись за лицо свободной рукой, хрустнуло-то прилично, хорошо было слышно.

Шрам пытался дотянуться до меня, однако теснота мешала ему реализовать задуманное быстро.

Женщин моментально прорвало: они начали голосить, требуя мужиков вмешаться, а водителя – немедленно остановить автобус.

Лиза тем временем, увидев расклад сил не в мою пользу, да ещё нож, вцепилась зубами в запястье руки Пьеро, ту, в которой была заточка.

Бандюган заорал, выронил оружие. Кто-то ногой оттолкнул страшный предмет подальше. Кровища из носа урки хлестала фонтаном, ему было не до сопротивления.

Шрам, не сумев ударить без замаха, натянул шапку на глаза Лизе, и вlepил ей хлесткую пощёчину.

Подруга, намеренно, либо нет, попала коленом в самое чувствительное место одичавшего мерзавца. Но важнее было то, что автобус остановился.

Мужики начали заворачивать Пьеро руки, выталкивать из салона второго бандита.

Агрессивность сидельцев моментально испарилась.

Шрам кубарем со ступенек улетел в лужу, вскочил и рысью ретировался, оставив истекающего кровью напарника, которого моментально скрутили, уложив мордой в пол.

Весь автобус гудел, как перегруженный трансформатор, пересказывая события последнего часа. Люди немного ослабились, но успокоиться не получалось: слишком большое напряжение накопилось за минуты террора.

Водитель направил автобус прямиком в милицию, куда и сдали хулигана, который верещал и ныл, забыв моментально про свою крутость.

Дружка своего он тоже сдал, хотя его и так бы нашли – слишком заметный след в виде рваного шрама выдавал его с головой.

Всё это время Ирина ни на шаг не отходила от Лизы, пострадавшей, как та считала, за неё.

У моей подружки, получившей чувствительный удар чуть выше переносицы, заплыл полностью один глаз и светился сизой радугой другой.

Держалась она стоически, но когда я предложил посетить травматологию, разревелась не на шутку: очень уж Лиза уколов боялась.

Теперь она будет до конца дней вспоминать об этом инциденте. Ну не мог я смотреть спокойно, как на моих глазах, практически публично насилуют ребёнка. А в драку полез, покоровшись инстинкту самосохранения, импульсивно, можно сказать непроизвольно, более того – защищаясь от возможного удара соперника.

Думаю, мне просто повезло. Впрочем, девчонке повезло гораздо больше: кто знает – куда занесла бы её в итоге встре-

ча с великовозрастными головорезами, не окажись рядом пугливого юноши, поднявшего волну протеста.

Когда Ирина рыдала у меня на плече, прижавшись щупленьким детским тельцем, Лиза с негодованием и укором, безмерно ревнуя, наблюдала за нами.

Она теперь и моя спасительница.

Кто знает, на что были способны эти безмозглые существа. А вдруг, правда, выкололи бы мне без сожаления глаз?

Как стремительно и безрассудно вступилась она за меня, готовая, рискуя собой, спасти любимого.

Прошли часа два после драки, а дрожь в коленках не унималась. Теперь меня колотило основательно: дошло, наконец, что рисковал я практически жизнью. И не только своей, но и Лизкиной тоже.

Моя Лизавета. Ну, как не любить такую? Мы теперь крепко повязаны, можно сказать, кровью.

И с Иринкой мы теперь в доску свои.

А сапоги так не купили – не до них было.

Пришлось звонить директору в совхоз, просить, чтобы прислали за нами машину.

Всей правды я не мог ему рассказать, соврал, что на нас напали хулиганы. В милиции подтвердили, я ведь с их телефона разговаривал.

Ира сбегала в аптеку, купила бодягу, какой-то вонючий крем, бинты, вату и колдовала над Лизиными травмами, пока за нами не приехали из совхоза.

Ей действительно оказалось пятнадцать лет. Совсем ребёнок.

И надо же было такому случиться!

Медичка в совхозе выписала подруге больничный лист. Уколы назначать не стала, памятуя о произошедшем не так давно инциденте, когда от вида шприца пылающая в лихорадочной температурной агонии Лиза устроила форменный погром.

В тот раз досталось и мне, и врачу.

Лиза неделю сидела дома, читала лёжа одним заплывшим глазом.

В свободное от служебных обязанностей время мы предавались абсолютному разврату.

Это была замечательная неделя, если не считать ежедневной выволочки за мою инициативу, – ещё раз полезешь не в своё дело – пеняй на себя: расстанемся.

Врёт ведь. Куда она теперь без меня? А я без неё и вовсе потеряюсь – кто тогда станет защищать меня от бандитов.

Вон их сколько развелось.

Я всё решила

*Стали дни скупы, однообразны,
С горьковатым привкусом полыни.
Все мечты нелепые напрасны,
Грёзы тоже лишние отныне.
Будет ночь пленённой птицей биться,
Утопая в нитях звёздной пыли.
В предрассветном сумраке приснится,
Будто Вы меня не разлюбили.
Людмила Цымбалова*

Как милы Сергею роскошные русые кудряшки и трогательное в настороженной робкой застенчивости кукольное личико любимой. Её гибкий стан с выразительной талией, дурманящий запах, то ли обильно цветущих луговых трав, согретых полуденным солнцем, то ли соблазнительно спелой лесной ягоды. Дразнящий простодушной доверчивостью и беспредельным обожанием взгляд навевал сонмы грёз, отражающихся в бездонно серых глазах-омутах.

В её зачарованном взгляде невозможно было не утонуть.

Не было у парня в тот миг ни малейшего шанса выплыть из водоворота избыточной эмоциональной впечатлительности. Не было!

Трепетно напрягаясь всем телом, в блаженном экстазе замуривая глаза, пылко и требовательно прижимал вос-

торженный мальчишка девочку к упругому торсу, опасаясь неумелой поспешностью спугнуть хрупкое, манящее восхитительными чувственными соблазнами счастье не только любить, но и обладать.

Разбуженная впечатлительным воображением и деликатными, но откровенно интимными знаками внимания, девушка, повинувшись неодолимому сенсорному импульсу, изобретательному воображению и первобытному инстинкту затрепетала в предвкушении восхитительного полёта и зависла в состоянии головокружительной романтической невесомости, не позволяющей милому нарушить законы интимной гравитации.

– Сегодня можно, – подумала девочка, – так будет правильно.

Даже если это коварное сладкое наваждение, кратковременный морок – неважно! Адреналин и гормоны знают своё дело.

Неистовый восторг накрыл Сергея с головой, ловко оторвал от земли, закружил, завертел.

Наслаждаясь неожиданным, но желанным моментом близости с невинной возлюбленной, юноша медленно провёл тыльной стороной руки по горячей от смущения и неловкости щеке девушки, провоцируя тем самым обоюдное пьянящее влечение.

Энергия прикосновения заставила подружку реагировать неожиданным, непривычно возбуждающим образом. Анже-

лика закрыла глаза, встала на цыпочки, неуверенно потянулась навстречу, позволяя кавалеру больше, чем всегда.

Трепетные тела пронзила череда соблазнительно волнующих, необыкновенно сладостных для всего тела разрядов.

Юноша, не понимая причины своей безрассудно дерзкой решительности, бесстыдно скользил руками и губами по желанному телу подруги, не ведая преград. Любимая напрягалась, вздрагивала, принимая довольно нескромные робкие ласки с видимым наслаждением.

Комната, окно, стол, стулья – всё кружилось в неторопливо обманчивом экзотическом танце, растворялось, плавилось в безумно ускоряющемся темпе, увлекая целомудренную парочку в страстный водоворот непредсказуемо значимых событий.

Резкий стук в дверь остановил стремительное вращение, наполненное невероятной новизны и сладости ощущениями, которые растаяли вместе с потоком возвращающегося сознания.

Девочка с недоумением смотрела на раскрасневшееся нагое тело, непристойно распластавшееся на основательно смятых простынях в странно расслабленной позе, на Сергея, опасно нависающего над ней, на убедительные улики свершившегося интимного слияния.

На полу красноречиво валялась скомканная одежда, тревожно сигналил о непоправимых последствиях излишне азартного сближения висящий на спинке стула бюстгальтер.

Анжелика была потрясена. Непостижимо: когда, как это всё произошло, ведь она лишь на мгновение зажмурилась, на секундочку провалилась в блаженное забытьё, доверилась!

Сколько прошло времени: мгновение, час, два? Как всё это объяснить маме!

Девушка в спешке подобрала разбросанные вещи, растерянно, безмолвно упрекая взглядом, посмотрела на друга, силясь задать какой-то весьма важный, но щекотливый и не до конца осознанный вопрос, на который уже не было времени.

Сергей взял любимую за худенькие плечи, чувственно прижал, с трудом сдерживая дыхание, не справляющееся с потребностью перевозбуждённого организма в кислороде, помог кое-как одеться.

Действия сладкой парочки выглядели комично. Искры остаточного напряжения ещё блуждали по воспалённой коже, руки не слушались. Истеричные спазмы готовы были проявиться сию секунду самым затейливым образом, – как же так!

Юноша неловко щёлкнул застёжкой бюстгальтера, нежно поцеловал любимую сзади в шею, пытаясь загладить вину, успокаивая тем самым и себя тоже.

Последний разряд прошил тело подруги, породив попутно тысячи слишком деликатных и сложных, чтобы немедленно осмыслить, вопросов, надежд и мучительных в открытом неведении сомнений.

Земля не ушла из-под ног, небо не обрушилось, но это удивительное событие изменило их жизнь до неузнаваемости, чему поспособствовали со своей стороны родители, ставшие невольными свидетелями сокровенной интимной тайны, которую уже невозможно было скрыть: слишком много улик указывали на свершившееся деяние.

Взрослые не стали скандалить: что поделать – дети выросли. Семейное единение должно оказать на ретивых влюблённых целебное действие. Жизнь научит всему, в том числе разумной осторожности.

Чуда не случилось: Вселенная решила не спешить вознаграждать молодых прибавкой в семействе. Впрочем, и молодые не торопились расширять границы среды обитания.

Жизнь была или казалась им настолько восхитительной, яркой, что третий в ней был бы сейчас явно лишним.

Счастье и благополучие лились через край.

Анжелика с присущим ей усердием начала неумоимо наводить тщательный порядок в отношениях и в семейном гнёздышке, которое освободила для молодой пары одна из бабушек.

Кто в доме хозяйин спорить не было смысла: конечно, она – женщина.

А ещё супруга безумно полюбила азартно и шумно выяснять отношения, особенно перед сном. Потом с наслаждением азартно и шумно мириться в постели.

Серёжка, пытаясь погасить воинственное настроение и

вспыльчивый темперамент любимой, чувствовал себя виноватым, потому старался изо всех сил.

Наверно, чересчур ревностно, слишком последовательно и ретиво взялась Анжела внедрять в интимные отношения элементы семейной деспотии. Иначе, отчего любимый, не прожив с ней и года, украдкой сбежал к первой встречной: к кроткой, похожей на сушёную воблу непонятного возраста кобылице в очках на половину лица, которая до той поры незаметно жила в гордом одиночестве в соседнем подъезде?

То, что соперница была тщедушна, невзрачна, выглядела выцветшей квартирной молью, было обидно вдвойне.

– Поживём-увидим, – скрипела про себя Анжелика раздосадованная коварным вероломством пока ещё мужа, поскольку официально рвать отношения Сергей не спешил, вглядываясь в искажённое ущемлённым самолюбием отражение себя в зеркале, – вот мои неоспоримые аргументы: стройная осанка, упругая грудь изысканной формы, бархатистая кожа, томный взор. И вообще – я самая-самая! Разве можно такую разлюбить? Без боя не сдамся! На коленях приползёт.

Однако милый не торопился капитулировать. Воркование шествующей под ручку парочки предателей, которых Анжела с ненавистью разглядывала каждое утро и каждый вечер из своего окна, раздражала немилосердно. Сердце выло, брыкалось и корчилось, нещадно изводя желанием немедленно, очень-очень больно отомстить: не ему, Серёженьке, –

ей, коварной змеюке оболыстительнице.

– На чужой каравай позарилась, оторва. Ответит, по всей строгости... не знаю чего! Неповадно будет переманивать тщедушными телесами законного мужа. Ишь, острым задом как вертит, улыбается, словно дурочка с переулочка. Было бы, чем восхищать: попа с кулачок, грудь с горошину, три волосины на голове, и губы синие, как у утопленницы. Я тоже не лыком шита: заведу себе шикарного любовника с перспективными возможностями. Нам ли быть в печали – красивым бабам!

Желающих занять вакантное место активного спутника жизни в уютном гнёздышке, даже по её непростым правилам, оказалось достаточно. Кукольная внешность её добрую половину окружающего мужского населения располагала к интиму, и вообще: умела Анжела произвести своим появлением на публике неизгладимое впечатление.

В одного многообещающего воздыхателя Анжела даже влюбилась по-настоящему. Эмоциональными переживаниями обносило голову. В романтических грёзах чудились головокружительные приключения с пикантными подробностями в соблазнительных заманчиво ярких тонах.

– Вот оно счастье, не упустить бы! Куда моему Сергею до него. Пусть завидует.

Недотрогу изображать не стала, чтобы не спугнуть удачу. На первом же свидании позволила себя соблазнить, вывалив экспозицию из солидного арсенала страстных безумств, ис-

пытанных и усовершенствованных в пору непорочной влюблённости в собственного мужа, помноженную на иллюстрированную демонстрацию нерастраченного всеу эротического таланта.

В рот любимому заглядывала, покорность и смирение имитировала, как могла, даже кофе в постель носила и носки стирала.

Не помогло: прорывающееся сквозь флёр добродетельной скромности агрессивное начало то и дело вырывалось из вынужденного заточения. Запредельной сложности планов на будущее и непомерных требований претендент не выдержал, как и прочие, по разным причинам не окольцованные менее капризными подружками ветераны эротических баталлий.

Кому захочется связать жизнь с женщиной, заурядный хозяйственный и нравственный потенциал которой помножен на весьма несимпатичные стервозные повадки!

Обидно! Но ведь она молода, привлекательна, перспективна.

– Что не так-то, – вопрошала себя прелестница, – какая есть, другой у меня для вас нетути.

– Хрен тебе, а не развод, котяра облезлый, – клокотала и булькала как закипевшее молоко Анжелика, – на коленях приползёшь, когда наиграешься. Вовек не прощу!

Это она о Сергее, который давно и прочно оброс хозяйством и счастьем с мягкой податливой женщиной, которая не давила, не выказывала превосходства, не пыталась улуч-

шить его привычки, манеры и ум.

Скромная, но решительная, она глубоко вросла в его внутренний и внешний мир, слилась с единственным мужчиной в блаженном экстазе, когда общими становятся любые, даже незаметные для других движения души и тела.

Природный эгоизм, старательно выпестованный в смелых мечтах Анжелики, искал выход. Тщетно. Одержимость идеями мщениия и неоспоримой исключительности высасывала жизненную энергию, лишала сокровенных желаний, творческого вдохновения и сил; неудачи на ниве матримониальных стратегий обусловили гнетущее состояние выученной беспомощности.

– Да пошли они все! Мне и одной неплохо. Велика радость – грязные портки стирать.

Сергей демонстративно (не иначе) прохаживался в обнимку с тщедушной пассией, коротышкой, одетой безвкусно, дешёво, почти бесцветно. Он был одухотворён и явно счастлив.

– Хоть бы для приличия бросил взор на окна законной супруги. Достойной, между прочим, быть любимой более других. Любящей тебя, негодяя, верной. Так нет же, словно меня нет, и не было никогда!

Ведь я ему тогда... в тот памятный день, самое ценное доверила. И что! Мерзавец, извращенец, ничтожество, эгоист! Как можно настолько не уважать себя, чтобы целовать это облезлое чучело... ба, да у неё животик растёт!

Вот ведь право слово зараза вероломная! О чём только думает, ловелас недоделанный! А если дети на неё будут похожи? На меня посмотри, недоумок, я твоё счастье, я! Ну, почему, почему всё ей, чем я-то хуже!

Анжелика наревелась до одури, до мучительно болезненных спазмов в горле, заснула прямо в одежде, выплёскивая досаду и ненависть в сновидении, сюжет которого затмил бы отвратительным безумием фильма ужасов.

Когда “сушёная вобла” появилась во дворе с небесного оттенка детской коляской, Анжелика ощутила себя безнадежно одинокой, несчастной и окончательно потерянной.

Это должна была быть её коляска, её сын! Озабоченная угасающими возможностями дама всё ещё надеялась на спасительное время, которое всё расставит по местам, на удачу, которая сама по себе решит все проблемы.

Мир постепенно сужался, растягивая одинокую неприкаянность на годы. Мрачные видения преследовали Анжелику повсеместно. Она научилась курить, обнаружила особую прелесть в обжигающе крепких и шипучих напитках.

Параллельные вселенные реального и вымышленного миров раздваивалась, петляли в промежутках между светом и тьмой, сталкивали поэзию ускользающей интимной романтики с достоверной драматической прозой реальной жизни.

Портрет Сергея времён беззаботной молодости занял удобное место на свободной стене. Его было очень удобно расстреливать разноцветными дротиками.

Но на ночь под подушку Анжела неуклонно клала нестиранную Серёжкину футболку, вдыхала перед сном неуловимый запах утерянного некогда безграничного счастья.

Любила она его, ненавидела? Кто знает! Ответить на столь сложный вопрос невозможно.

Были моменты, когда навсегда хотела уйти из неудобной по причине неприкаянности реальности: горсть таблеток в бокал шампанского и спать.

Но представив себя лежащей в неглиже с вывалившимся языком и пеной изо рта, пугалась, застывала в отчаянии, надолго проваливаясь в меланхолию, отягощённую бессонницей с ужасными галлюцинациями.

– Влюбиться что ли, – время от времени вопрошала она себя.

Нет, мужчины больше не привлекали, точнее, Анжела презирала их кобелиную сущность за свои же неудачи.

Иногда её посещали чудовищно нескромные видения, напоминающие о том удивительном дне, когда впервые решилась на безрассудный поступок, оказавшийся самым сладким в неприкаянной судьбе.

Прочие мужчины казались лишь жалким подобием Серёженьки, поскольку были лишены его очаровательного обаяния. К тому же каждый из них вынашивал корыстные цели, напрямую связанные с ней как незадачливой, но вполне привлекательной хозяйкой уютных квадратных метров.

– Нужно быть осмотрительней, осторожней. Заморочат

голову, окрутят... того и гляди оттяпают приглянувшийся кусок жилой площади. Любит, не любит – поди догадайся.

Год или около того беспредельного счастья с Сергеем на-мертво отпечатался в памяти.

– Он ведь, подлец, пробудил склонную к дьявольским ис-кусам физиологию, взрастил букет греховных, но сладких помыслов, возбудил вкус к ненасытным влечениям. И бро-сил. Бросил! Как ненужную вещь, как ветхий хлам!

Жить в окружении безрадостных воспоминаний и бредо-вых идей становилось тошно. Незаметно потускнела, выцве-ла живая эффектная внешность, квартира потеряла ухожен-ный вид.

Зато Серёжкина “моль” расцвела, похорошела. Округли-лась, обзавелась удивительно ярким румянцем, особенным, озорным, зачарованным взглядом, на который как мотылёк на яркий свет летел сломя голову бывший муженёк. Пружи-нистая осанка и спокойная уверенность “засушенной воблы” не давали повода усомниться в прочности их отношений.

– Девочку родила, гадюка! Мою, между прочим, девочку. От моего личного мужа.

Всё же со временем Анжелика устала ненавидеть, уясни-ла, что вела себя тогда, в самом начале, крайне глупо, что разорила хрупкое семейное счастье собственными руками.

Была ведь любовь. Самая настоящая. Серёжка надёжный, верный. Был.

– Это я была, я, дурища! А у него всё в порядке. Он с

этой... с молью бесцветной, вполне себе респектабельно выглядит. Отыграть бы назад, вернуться в блаженное вчера! Второй раз я бы своё счастье не упустила. Влюбиться что ли, назло всем!

Анжелика подошла к зеркалу, покрутилась, – а и влюблюсь!

Початая бутылка шипучки на несколько градусов подняла настроение. Бегущие сквозь толщу напитка весёленькие пузырьки будили восторженное воображение, взывали к конструктивному диалогу с внутренним собеседником, который, то давал советы, как исправить ситуацию, то отговаривал, аргументируя неизбежный провал авантюрной затеи, найти надёжного и верного спутника жизни списком неудачных попыток навести порядок в личной жизни.

Раздосадованная сумбурными рассуждениями, которые испортили остатки позитивного хода мыслей, Анжела, слегка пошатываясь, приподнялась в кресле, взяла из вазы красный дротик, – пусть провидение решает. Если в глаз попаду – начну новую жизнь. Как тогда. И не отговаривайте меня – я всё решила.

Лучшая подруга

Во взаимность верить так не сложно.

Мы с рассветом станем на день старше.

Я услышу голос твой уставший:

«Я тебя возненавижу... можно?»

Саша Бест

– Светка, ты мне подруга или так, сбоку болтаешься, – без предисловий выпалила Лёлька в обыденной своей импульсивной манере.

У неё всё происходило в режиме скорого поезда, без рекламных пауз.

– Давай без закидонов, расшифровывай сразу, чтобы я не гадала, в какую авантюру ты меня опять втягиваешь.

– Интуиция у меня, сверхъестественное чутьё, понимаешь? Глубинный, на уровне инстинкта рефлекс, предчувствие. Тебе это о чём-нибудь говорит?

– Пока нет. Давай по порядку. Я за ходом твоих мыслей не поспеваю. Положим, ты самосохраниться хочешь, так для чего я тебе понадобилась? Чтобы вместо тебя самоубилась или самоустранилась из собственной квартиры? Не догоняю, подруга.

– Для тупых повторяю – мы, женщины, измены на подсознательном уровне чувствуем, жабрами.

– Кто кому изменил, можно конкретнее? Радик твой что

ли? Не смейся мои коленки. У него наука и эксперименты в лаборатории на первом месте, на втором и третьем тоже. Спи спокойно.

– Именно поэтому и волнуюсь. Если логически мыслить, получается, что шифруется мой благоверный. Слишком уж положительный, как Штирлиц. Или замышляет чего, или уже того... по бездорожью с кем-то подпрыгивает.

– Лёлька, у меня сейчас истерика начнётся. Факты у тебя есть? Нет у тебя ни одного реального аргумента, неубедительные гипотезы на фоне хронического безделья, если проще – досужие домыслы.

– Не домыслы, а озарение. А ты мне нужна, чтобы догадку мою подтвердить или опровергнуть. Хотя есть и другая причина.

– Я не разведчик, не лётчик-испытатель, не сыщик.

– Именно... ты женщина, этим сказано всё!

– Чего сказано?

– Того! Женщина, говорю: очаровательная, привлекательная, сочная бабёнка со всеми вытекающими из этого бесспорного факта последствиями. В тебя невозможно не влюбиться. Покрутись. Ну, что я говорю... попа, грудь, губёшки поцелуйные, ноги от ушей, улыбка на миллион баксов. Любовниц в кино играть, вот! Тебе и карты в руки.

– Какие карты, у тебя кукушка съехала? Давай лучше чай пить.

– Так, значит, чаем хочешь отделаться! Ты у меня сколько

занимала? Когда маму твою оперировали, я всё до копейки оплатила. Квитанции показать?

– Ты же меня знаешь: надёжно, как в банке. Как договаривались – с каждой полочки половина.

– А мне сегодня надо. Сейчас. Ладно, про деньги пока ни слова. Это я так, чтобы остроту момента прочувствовала. Ты мне нужна, твоя выдающаяся внешность, твоё неотразимое обаяние, а не эти копейки. Радик сколько надо заработает. Честное слово – всё до копейки прощу, если сделаешь, как прощу.

– Лёлька, ты сумасшедшая, купить меня хочешь?

– Вовсе нет. Там и делать-то ничего особенного не надо. Так... соблазнишь моего оболтуса, и мы квиты. Согласись, разве это нормально когда мужик ангелом притворяется? Есть у него зазноба, зуб даю, есть. В тихом омуте черти водятся, всем известно. А я отомщу!

– Постой-постой Лёлька, как это соблазнишь?

– Обыкновенно, по-женски: флирт, то-сё, Если нужно, в постель ляжешь.

Светке стало плохо. У неё закружилась голова. Но Лёлька явно не собиралась шутить.

Денег она должна много. Занять негде. Где выход?

Лёлька загадочно улыбалась.

– Не мыло – не измылится. А у меня убойный аргумент на руках будет. Я же не знаю, чего от него ждать. Вдруг он мне сюрприз готовит? Интуиция – материя тонкая. Если у него

баба молодая, тогда что, где он её трали-вали, чпокает, а? Тото! Задом чую, подруга, ипотеку взял для зазнобы. Как пить дать по миру пустит. Наверняка всё заранее обговорили. А у меня в рукаве свои козыри. Он мне даму – я ему короля. Шах и мат в три хода.

– Лёлька, успокойся. Намекни хоть причину переполоха. Презервативы нашла, помаду на рубашке, сперму на трусах, запах похоти – что конкретно?

– В том и дело, Светка, ни-че-го. Абсолютно! В компьютере чисто, в телефоне тоже. Скажи – так бывает? Не бывает. На стороне гуляет паршивец, век не прощу! На том свете вспоминать буду!

– Лёлька, у меня коньяк есть, давай выпьем.

– Откупиться хочешь, дурочкой меня выставить?

– Не то, чтобы очень. Обсудить предлагаю, успокоиться, сделать логические выводы. До климакса тебе далеко, а крыша уже поехала. Психушка по тебе плачет, подружачка. Мужик у тебя – золото.

– Самоварное. Видела, как он к тебе клинья подбивал, как на сиськи заглядывался.

– Бредишь, Лёлька, я не в его вкусе. На то мужикам глаза дадены, чтобы нашими премиальными формами любоваться. У них-то таких нет.

– А ты попробуй хвостом покрутить. Долго мой жеребчик сопротивляться будет? Я твоего в два счёта окручу. Хочешь – на спор с ним пересплю?

– Уж не сама ли ты изменяешь, подруга? У блудливой све-
крови все невестки шлюхи. Хочешь из меня козу отпущения
сделать, семью мою разрушить, зачем?

– Да или нет? Не намерена сопли тебе подтирать. Так или
иначе, я своего проверю, а ты по миру пойдёшь.

– Иди, проспись.

– Деньги. Деньги давай. Прямо сейчас.

– Нет у меня денег.

– Зато есть кое-что другое. Терять тебе по большому счё-
ту нечего... кроме невинности, которая давным-давно утра-
чена. Соглашайся.

– На что именно толкаешь, не пойму? Не ожидала от тебя
такой подлости.

– Радиком моим брезгуешь, или залететь боишься?

– Что я тебе сделала, Ирку попроси, она безотказная, тем
более холостая, от интимного приключения никогда не от-
кажется.

– Что я, дура по-твоему – сор из избы выносить? Мы по-
други, тебе я как себе могу довериться.

– Были, Лёлечка, подругами, были. До сегодняшнего раз-
говора. Или приговора. С какой стороны посмотреть на твою
провокацию.

Свету трясло. Она уже слов не находила. Но деньги боль-
шие. Отдать их быстро невозможно. Голова шла кругом.

Нет выхода, нет! Нужно постараться спустить проблему
на тормозах.

Чем сильнее она напрягала мозги в поисках выхода из патовой ситуации, тем больше понимала, что угодила в капкан. Вот что значит заёмные деньги. Всё – никаких долгов, никаких кредитов. Жить на свои надо.

– Звони, – сказала Лёлька, подавая телефон.

– Что я скажу?

– Говори, что помощь нужна, вопрос, мол, интимный. Обратиться, мол, кроме тебя не к кому. Поверит, никуда не денется. Уж я-то его как облупленного знаю.

– Если знаешь, какого чёрта проверять вздумала?

– Не твоего ума дело. Звони!

Света пригласила Радика в кафе в восемь часов вечера. Надела самое откровенное платье. Руки и ноги дрожали.

Сидела в ожидании минут двадцать, нервничала. Выпила три больших бокала вина для храбрости.

Радика не было.

Сердце начало успокаиваться – не придёт.

Вот и хорошо!

Но он явился, и это круто меняло дело. Город маленький: в одном конце чихни – в другом здравия пожелают. А вдруг и правда клонет, приставать начнёт!

Радион дружелюбно поздоровался, заказал две бутылки вина, горячую закуску.

– Вываливай свою интимную проблему. Если деньги нужны – я дам.

– Если бы...

Света, как требовалось по инструкции, составленной Лёлькой, подтянула подол почти до трусов, вульгарно раздвинула ноги, надела на лицо флиртующую улыбку. И вдруг пустила игривую слезу, начала жаловаться на мужа, будто не понимает, не любит, что страдает от одиночества, что хочется прислониться к кому-нибудь, а он такой хороший, такой милый.

Это оказалось совсем не сложно. Вино уже начало действовать.

– Ага, – сказал с ироничной улыбкой Радик, – как айсберг в океане, – налил по фужеру вина и извинился, что надо на минутку отойти.

Радик вскоре вернулся, пригласил на танец.

Женщина расслабилась, поплыла, положила голову на мужское плечо, начала стремительно входить в роль. Самой стало интересно – что будет дальше.

Сначала пришла в голову мысль, что надо всё рассказать, что финансовый вопрос можно решить полюбовно, потом вспомнила, что деньги у Лёльки брала втайне от Родиона, таково было её условие.

Хмель к тому времени вскружил голову. Светлана плохо соображала, зачем здесь. Проблески сознания заставили сделать глупость, – скажи честно, я тебе нравлюсь?

– Кому же не понравится такая куколка. Я от тебя всегда был без ума. Но я глубоко женат.

– Ты ведь хочешь меня, Родичка, хочешь, я знаю, ну по-

жалуйста!

За спиной стоял муж, хлопал в ладоши и нервно хохотал, – бинго! Родион решил, что твою проблему проще решить совместно. Наивный. Тут уже ничем не поможешь, – и убежал.

– Да, подруга, дела! Я ведь догадываюсь, это Лёлька чего-то мутит. Месяц мозги выносит. Решила под тебя меня подложить. Пора с этим завязывать. Устал. Ты домой или посидишь ещё. Я в гостинице переночую.

– Нет у меня теперь дома. То есть, семьи нет. Не прости. Я ведь Лёльке задолжала. Много. Потому и согласилась тебя соблазнить. Честно говоря, не верила, что поведёшься.

– Забудь про долги. Кольку я уломаю. По крайней мере, попытаюсь. А ведь ты мне действительно нравишься. Но это не повод рушить твой брак. Прости! Хотел как лучше. Не заметил я, как он подошёл.

Светка с горя допила вино, домой еле живая добралась на такси.

Муж в квартиру пустил, но закрылся на внутренний замок в другой комнате. Чемодан со своими вещами демонстративно поставил у двери.

Слёзы не помогли: не сжалился, не сдался.

Алкоголь тем временем выполнил свою миссию: Светка затихла, уснула прямо под дверью.

Утром муж с выражением брезгливости переступил через её неподвижное тело. В руку положил записку и ключи от квартиры.

Через несколько часов, когда немного протрезвевшая Света бесцельно рысачила по периметру жилой площади, припёрлась Лёлька.

– Ну, рассказывай.

– Ты мне судьбу поломала, дрянь!

– Можно подумать. Ты с ним переспала?

– А ты как думала! Раз шесть без остановки. Вконец замотал, жеребец. Сама напросилась. Мне понравилось. А сейчас резать тебя буду... на мелкие кусочки!

– Врёшь! Не было у вас ничего.

– Ошибаешься. Было, всё было. Пошла вон отсюда, сводня!

Лёлька вцепилась ей в волосы, начала пинать коленями.

– Разлучница, тварь. Теперь ты со мной вовек не расплатишься!

– А вот хрен тебе по всей морде. Радик мне всё простил. До копейки. А с тобой он разведётся и правильно сделает. Правильная у тебя интуиция. Только ты, дура набитая, не поняла, что против себя войну затеяла.

К Свете в итоге муж вернулся. Долго изображал обманутого мужа, но, всё же поверил Родиону.

А от Лёльки муж ушёл. Совсем, с серьёзной душевной и физической травмой: она его пять раз кухонным ножом в живот пырнула в истерической экзальтации.

Пока ты жив

*...Пускай бессонница продлится
как пробужденья уют.*

Пусть недослушанные птицы

Всю ночь в груди моей поют.

Звучат несдержанные клятвы

И проклинают за обман;

И наступает время жатвы

Мной не посеянных семян.

Ольга Горпенко

– Был ведь... был у меня замечательный муж до поры...

Лёнька Снегирёв! Надёжный был, энергичный. Настоящий. Да видно весь вышел. Ты превращаешься в слизняка, дорогой супруг... отец двух прелестных малюток, которому не до них... до всех нас, никакого дела. Я не могу быть единственной тягловой силой в нашей семье. Не могу-у-у. Не хочу. И не буду, так и знай!

Или ты находишь работу... с достойным заработком, чтобы мы с детьми видели – ты всё ещё мужчина, а не опустившийся безвольный самец, что ты всё ещё с нами, что заботишься о нас, или ищи другую соломинку, за которую можно зацепиться. Ищи такую, которая приласкает тебя... даром, и накормит, и обстирает... ничего, кроме безвольного присутствия и геройства в постели, не требуя.

– Алёнушка, я же тружусь, стараюсь. Что можно сделать, если половину работников сократили, а всем прочим урезали зарплату! Да и не нужен мне никто, кроме вас.

– Плохо стараешься, папочка. Ищи другую работу... где уважают труд, где оценивают человека по способностям. Иди на подработку. Осваивай что-то новое. Укради, наконец! Ждешь, когда совсем в доме жрать нечего будет! Нам с детьми без разницы, что за причина вынуждает тебя работать бесплатно. Мы хотим жить, а не выживать.

– Я хороший специалист. Зачем унижаешь меня! Разве только мы так живём? Посмотри, какие проблемы у соседей, у тех, с кем сама работаешь. Думаешь, я не искал другое место? Сколько раз. Время такое, беспокойное, циничное. Потерпи, всё утрясётся. Неужели деньги – повод для непримиримых конфликтов родных людей? Мы же с тобой вместе десять лет.

– Скажи это детям, когда спросят, почему кроме пшена и перловки мы ничего себе позволить не можем. Ленка в школу ходит в перештопанном платье, в дырявых туфлях. На неё подруги пальцами показывают, дружить с ней стесняются. Машку в садик в чужой одежде отправляю. Платьишко простенькое купить не на что. Иди, объясни ей, что это происходит оттого, что неправильное время нам всем кукиш показывает. А на деле тебе плевать, чем я их накормлю. Про себя не забываешь. Вчера опять с перегаром с работы вернулся.

– У Дениса день рождения был. Проставился... как поло-

жено. Что с того!

– Вот! Денис нашёл деньги, чтобы вас, дармоедов, напоить. Где он их взял? Я тебя спрашиваю. Молчишь? А я знаю. Он их за-ра-бо-тал. Ручками... или головой. Неважно. Факт на лицо – кто хочет, тому время деньги раздаёт.

– Да самогонка это была... сивуха. Отвратная... но крепкая. С голодухи, сама понимаешь, развезло малёхо.

– Гони и ты самогонку, продавай, меняй на продукты. Делай же что-то, не будь иждивенцем! Разбуди в себе ярость, сопротивляйся обстоятельствам. Научись машины ремонтировать, кирпич класть, штукатурить, красить. Почему ты такое ничтожество, что не можешь создать даже мотивацию? Другие мужики умеют добывать, стараются, а ты...

– Прежде я тебя устраивал. Даже гордилась мной. Алёнушка, это я, твой Лёнька. Можешь пощупать.

– Ах, пощупать тебя! Может, ещё ножки попросишь ради такого случая раздвинуть... или сразу сына родить! Ты же всегда мечтал о наследнике. Или не хочешь боле? Боишься, что прокормить не сумеешь? Так вот что я тебе скажу, Лёничка: с сегодняшнего дня сексуальные услуги исключительно платные. И не за те, зарплатные рубли. Захочешь близости – поднатужишься и заработаешь. Только так, голубок, только так.

– Мы и так стали с тобой редко встречаться по этому поводу. Предлагаешь на стороне подругу искать?

– А ты попробуй. Вон их сколько, неприкаянных и убо-

гих, жаждущих скупой мужской ласки. Чем так жить, лучше никак. Даю тебе испытательный срок – два месяца. Не научишься зарабатывать – буду искать другого мужа.

Это была лишь предварительная часть разговора. Дальше женщина распалилась, сама себе спровоцировала истерику, наревелась досыта, сорвалась на крик и вскоре в сердцах перешла на конкретные оскорбления.

Лёнька робко ответил, чем вызвал прицельный залп жгучей обиды и бессильного гнева.

Пикировка взаимными обвинениями спустя несколько минут вышла из-под контроля, приобрела скорость и силу урагана, уничтожая остатки уважительного отношения, сметая его в мусорные кучи, которые улетучивались в вихревых воронках душераздирающей брани.

Далее в ход пошли и без того разрозненные и ветхие предметы хрупкой посуды.

Алёна в пылу праведного искреннего негодования разорвала на Лёньке рубаху. Он замахнулся, возмущаясь несправедливостью, инстинктивно, скорее защищаясь, чем нападая. Женщине показалось, что Рубикон противником преодолен, пора принимать превентивные меры, тем более что терпение окончательно лопнуло.

– Вон, негодяй, тряпка, во-о-он, иначе я вызову милицию, скажу, что ты надо мной издевался, что бил... и унижал!

– Дура, набитая! Я мужчина. Бабу на ночь всегда найду. А ты... ты... ты отца детям никогда не найдёшь! Ещё в ножки

упадёшь, умолять будешь, чтобы вернулся... чтобы простил.

Гнев помутил Лёнькин рассудок. Лучше бы он этого всего не говорил.

Алёна – женщина отходчивая. Она и ругалась-то, скорее для того, чтобы приободрить себя. Такова женская натура.

Ему ли не знать, как тяжело последнее время сводить концы с концами!

Куда там! Роковые фразы выскакивали из уст с лёгкостью необыкновенной, нанося раны предельной глубины и жестокости. Слова могут быть грубыми, колючими, острыми... и смертельными.

Завершение дебатов изобиловало самой травмирующей разновидностью брани.

Лёнька в сердцах хлопнул дверью, пулей вылетел на улицу прямо в домашних тапочках.

В висках стучало, голова была мутной. Мысли по инерции следовали по траектории разогнавшегося до космических скоростей конфликта.

– Посмотрим, – думал он, – кто прав, кто виноват. Идиотка, надо же, какова тварь! Думает, что я ничтожество, слабак.

Зрительные и слуховые образы поставляли сцены доказательств мужского достоинства в противовес женскому ничтожеству.

Иллюзорная Алёна ползла к нему на коленях, умоляла... пытаясь поколебать его решимость окончательно и бесповоротно покинуть семью, в то время, когда у него был неогра-

ниченный выбор средств наказать её.

Лёнька упивался полнотой власти над голограммой, наслаждался превосходством, давая непокорной жене возможность убедиться в его неоспоримых мужских достоинствах.

Он представлял себя несправедливо обиженным, но благородным.

Дав жене понять, в чём и почему она неправа, мужчина великодушно поднял её с колен красивым рыцарским жестом, обнял, запечатав рот поцелуем.

Ведь именно так в нормальных семьях восстанавливается мир и любовь.

Лёнька уже было обрадовался, решая вернуться, но врезается лбом в голову неподвижно стоящего мужчины, увлечённо пересчитывающего немислимое число денежных купюр, в котором неожиданно узнал бывшего одноклассника – Витьку Пронина, которого не видел много-много лет.

Тот внешне выглядел гоголем. Одет был с иголки, во всё новое, держался уверенно. В руках у него была пачка денежных знаков большого достоинства, которую тот держал открыто, очень небрежно, словно горстку медяков.

Лёнька отродясь таких деньжищ не видел.

– Снегирь, ты ли это, дружище! Ёлы палы... сколько лет, сколько зим. А я на побывку. С заработков. Как ты... айда со мной, там всё и расскажешь.

Витька приехал с золотых приисков. Рассказы о россыпях металла и сумасшедших заработках, которые букваль-

но некуда девать, подкреплялись реальными пачками хрустящих банкнот.

Друг детства легко и просто расплачивался ими без всякой надобности, лишь для того, чтобы показать фарт, невероятное везение, поразить панибратским отношением к богатству.

О том, чем конкретно оплачены эти деньги, умолчал.

Семью Витька потерял уже после первой поездки, вернувшись из неё с деньгами и срамной болезнью, подхваченной по пути домой в поезде.

Интимное воздержание в течение всего сезона добычи металла оказалось для него невыносимым испытанием.

Сговорчивые девочки слетались на шелест купюр, словно бабочки на свет ночного фонаря. Витька не брезговал никем, даже услугами омерзительно пьяных вокзальных шлюшек.

Жену заразил сходу. Лечение, правда, оплатил. Но в итоге оказался неприкаемым хроническим холостяком.

Впрочем, его этот прискорбный факт не слишком расстроил. Парень он весёлый, общительный, азартный, в артели каким-то чудом прижился.

С тех пор так и повелось: сезон безвылазно горбатится в тайге, в межсезонье – девочки, вино, веселые загулы в третьесортных кабаках, ночёвки, где придётся. Пока не потратит последнюю копейку. И в обратный путь – за новым счастьем.

До выезда в поле подрабатывал грузчиком в порту.

Эмоциональное и физическое перенапряжение, постоянные стрессы, конкуренция за тёплое место у кормушки, суровые артельные правила и порядки, а затем полное расслабление, когда можно почти всё, пока в кармане что-то шевелится.

Конечно, он не хвастался тем, что острый колит и ревматизм вытягивают приступами душу, забыл поведать о вялотекущем туберкулёзе, о крошащихся зубах.

Идея рвануть за туманом и за запахом тайги захватила Лёньку с потрохами, показалась заманчивой возможностью поставить бессердечную жену на колени.

Беспомощность, которой прежде никогда не было, и вдруг появилась, которую он ощутил в ходе конфликта с женой, заставила обратить внимание на иллюзорный выход.

Золотые прииски, начинающийся приступ золотой лихорадки, виделись ему вполне реальным выходом из финансового тупика.

Лёнька своими глазами видел немислимые по толщине пачки купюр. Новые, хрустящие, они так заманчиво шуршали в Витькиных руках, раздавая обещания благоденствия, безграничного семейного счастья.

Возбуждённый возможностью пустить пыль в глаза, Витька повёл расстроенного, но окрылённого иллюзией свалившегося на него в одночасье богатства Лёньку к доступным, стоворчивым подругам.

В ближайшем магазине накупили дорогих закусок, целую

сумку вина и водки.

Пить Лёньке совсем не хотелось, но и домой не было сил идти, чтобы опять выслушивать, какое он бездарное ничтожество.

Каждое обвинительное слово было ударом по уязвленному самолюбию. Вынести ещё одно нападение выше его душевных возможностей. Тем более, Витька, когда Леонид стал отказываться, презрительно оглядел его как бы с высоты, хотя был почти на голову ниже, вызывая нагло сплюнул сквозь прорехи в зубах на его ботинок, показывая тем самым, что именно о нём думает, а потом ощерился щербатой улыбкой и хихикнул, – бабы своей испужался... ну-ну... куда тебе на прииск, к настоящим-то мужикам! Забудь. Там, таким как ты, делать нечего.

Мужик... это же мужик! Вот где они у нас, бабьё легкомысленное. Всех и достоинств у этих тварей – сладкий передок. Ладно, прощаю на первый раз. Сейчас учить тебя буду. Только не кипешуй, делай, как я... и будет тебе счастье. Такого шороху наведём, гульнём по настоящему, по пацански. Чертям тошно будет. Нужна она тебе, Алёна твоя? Пусть других дураков поищет. Недельку погудим, потопчем непуганых курочек... и в тайгу, деньгу настоящую ковырять. Я из тебя мужика-то сделаю, так и знай.

Квартира, в которую они завалились без стука, просто открыв дверь ногой, являла вид убогий, нежилой. По всему коридору в три ряда стояли пустые бутылки разного калибра,

Грязные полы, обшарпанные стены, спёртый, застоявшийся кислый воздух, пропитанный запахом перегара и гнили, дополняли колоритный пейзаж настоящей звериной норы.

Витьку это вопиющее убожество несколько не удивило. Вихляющей походкой он торжественно просочился на кухню, где среди окурков и грязной посуды восседали две колоритные особы, предположительно женского рода. Во всяком случае, именно на это указывало их убогое одеяние и фантастически безобразные причёски с обилием бантиков из грязных бинтов и разнокалиберных бигуди.

Дамы имели синюшные лица, старательно улыбались беззубыми ртами, дымя огрызками беломорин.

– Неужто принцессы нас не ждали! Живёхонько убрали со стола. Сегодня Витя Пронин гуляет всех. Зочка, покажи-ка нам с Лёначкой свою выдающуюся грудь.

Чучело женщины живо соскочило с табуретки, распахнуло халат, под которым не было нижнего белья, с достоинством леди обнажив безобразный живот и висящие почти до колен морщинистые мешки синюшного цвета, протягивая Витьке на грязной ладони один из них.

– Не мне, дурища. Сегодня у нас в гостях лучший мой друг, Лёначка Снегирёв. Попробуйте только ему не понравиться. Довольствия лишу. Лёха, как другу дарю... эта, – небрежно указал на убогую стриптизёршу, – сегодня твоя. Мне Катька подмахивать будет. Чего сидите, лярвы, живо обновили стол. Не пристало настоящим мужикам на обед-

ках пировать.

Лёнька пришёл в ужас, сжался, потерял дар речи. Протянутый ему моментально гранёный стакан, наполовину заполненный водкой, влил в себя, не заметив как.

Через десять минут мир неожиданным образом преобразился, перестав казаться неприемлемым.

Волшебные свойства крепкого алкоголя преобразили среду обитания, превратив нору в дворец, а облезлую старуху ведьму практически в принцессу.

Водка игриво булькала, стаканы весело звенели. Уходить совсем не хотелось.

Что было потом, Лёнька не помнил.

Среди ночи с больной головой он попытался встать. Ноги не держали, предметы расплывались. Рядом с ним лежала страшная, воняющая мочой и перегаром обнажённая нимфа, вид которой немедленно возбудил желание блевануть, что и случилось не медля.

Он даже не успел отвернуться.

Лёнька почему-то тоже был голый, никак не мог отыскать одежду. Спотыкаясь и падая, мужчина бродил по квартире, разыскивая предметы своего гардероба, оказавшиеся разбросанными по всему дому.

Сколько времени ушло на поиски и многократные попытки одеться, понять в таком состоянии было невозможно. Насилу одевшись, Лёнька напился мутной воды из-под крана, отыскал выход и сквозанул прочь.

Видимо сегодня был не его день. Пройти мужчина успел метров сто, не больше, как возле него остановился милицкий патруль. Под белы рученьки Лёньку посадили в заднюю часть дежурного автомобиля с решётчатым окном и доставили как белого человека в вытрезвитель.

Процедура беспощадно циничного раздевания и унизительно холодная водная процедура оказалась ужаснейшим испытанием. Далее его голышом уложили на кровать без подушки. Когда он попытался сопротивляться, надавали мокрым полотенцем по почкам и зафиксировали за руки и за ноги на спинках кровати, до посинения стянув руки.

Заснуть не получилось.

Лёнька временами проваливался в бессознательное состояние, потом вновь приходил в себя, испытывал жуткие мучения от боли в руках, тошноты, неприятных ощущений в желудке. Зачем он пошёл с Витькой! Ах, да, чтобы тот взял его добывать длинные рубли.

Эта идея уже не казалась такой заманчивой.

Боль в руках стала нестерпимой. Лёнька закричал. Пришёл мужик в милицйской форме, врезал пудовым кулачищем по печени. Потом отеческим тоном спросил, зачем алконавт, которого приютили на ночлег хорошие люди, беспокоит среди ночи приличных людей.

Он пожаловался, что смертельно затекли руки. Тот проверил, увидел, что почти до локтя они почернели. Сжалился, ослабил, но пригрозил, – если что не так – не обессудь:

накажу.

Утром потрепанному Лёньке выдали одежду в ужасном состоянии, составили протокол, выписали штраф.

Чем его оплачивать-то!

События складывались совсем скверно. Однако он пошёл домой, позвонил в дверь.

Алёна почему-то оказалась дома. Выглянула, окинула недовольным взглядом, брезгливо принюхалась.

Реакция жены не предвещала ничего хорошего.

Дверь перед его носом захлопнулась. Через несколько минут супруга вынесла чемодан, выставила за дверь.

– Всё, Снегирёв, теперь ты свободен как птица в полёте. Полный семейный расчёт... и девичья фамилия. На развод подам сама.

– А я, куда мне теперь?

– Раньше нужно было соображать. Это же додуматься нужно, к Зойке Аникиной за утешением пошёл. Да на ней клейма ставить негде. Я бы на твоём месте сходила к врачу, проверилась. Тьфу на тебя, паскудник! Беспутный ты человек, Леонид. Я уже готова была простить, остыла... а ты такое учудил. Ладно бы только денег домой не приносил, так ещё заразой решил поделиться. Уйди с глаз моих долой. Видеть не могу. За что мне такое наказание!

Алёна захлопнула дверь.

Лёнька впал в полную протрацию: семьи нет, работу, почитай, потерял, спал с грязной беспутной ведьмой.

Дверь снова растворилась. Жена протянула ему документы, сотовый телефон, которым он почти не пользовался – дорого, и горсть мелочи, – похмелишься.

Отправляться было определённо некуда. По лестнице начали ходить соседи. Пришлось забирать чемодан и выметаться, чтобы не мозолить людям глаза.

Единственным возможным прибежищем мог стать выселенный пятиэтажный дом, неожиданно, после двадцати лет проживания в нём людей, развалившийся сразу по двум крайним подъездам. В нём часто видели бомжей и наркоманов, но другого варианта не было.

Самое удивительное оказалось то, что в доме не отключили электричество и воду.

Лёнька сходу нашёл чистую, без следов недавнего обитания, квартиру. Больше того, в замке входной двери торчал ключ.

Пройдя по подъездам и этажам, Лёнька обнаружил годную к употреблению мебель, в приемлемом состоянии матрац, посуду и многое другое.

Заселение и связанные с ним хлопоты отвлекли на время. Жизнь уже не казалась настолько законченной и беспощадной.

Есть совсем не хотелось. Более насущные потребности заглушали дискомфорт от голода.

О работе не хотелось думать совсем. Зачем! Для чего нужно работать, если нет будущего. Чувство обречённости

и одиночества надвигалось постепенно, заполняя всё пространство сознания без остатка.

Лёнька свернулся в позу эмбриона на добротном ватном матрасе, укрывшись пахнущим затхлой сыростью одеялом.

Беспомощность, безмолвие, безысходность. Теперь это его образ мысли, его повседневная жизнь.

Вспомнилась история из какого-то романа, где мужчина потерял всю семью в автокатастрофе. Он просто лёг и решил умереть. У него получилось. Наверно тот человек был сильнее.

Лёнька умирать не готов.

Он невольно начал представлять, как приходит к своей Алёнушке, кладёт повинную голову на плаху, предлагает сделать выбор, согласиться жить как прежде, или умереть, на её усмотрение.

Мысли о том, что любимая жена способна его приговорить, даже не возникло.

Сколько раз он подходил сегодня в иллюзорном восприятии действительности к этой ситуации, столько раз она спасала его. Хотя, перед этим раздумывала.

– Любимая, – шептал он, и это было истинной правдой.

– Нет, она не способна предать любовь! А я, я сам... способен? Что вчера привело меня к Зойке, как я мог улечься с этим подобием женщины в постель? Неужели у нас действительно что-то было! Быть такого не может. Но ведь мы лежали рядом, абсолютно раздетые.

Скорбные мысли перемежались совсем иными видениями. Вспомнилось, как познакомились юный впечатлительный Лёнька и восторженная Алёна.

Никогда до знакомства с ней не подходил он к девушкам на близкое расстояние, а тогда вдруг словно сошёл с ума.

В голову неожиданно пришла мысль, если не познакомиться сразу, с первой попытки, второй может просто не быть. Таких девушек уводят, не дожидаясь, когда они подрастут.

Лёнька не на шутку расхрабрился, пытался быть шутком и героем одновременно.

Ему повезло. Девушка сама мечтала заговорить с ним. Так уж совпало.

Почти два года они жили на вершине блаженства, держась за руки, не смея проявить потаённые мечты и желания. Сближение произошло неожиданно, можно сказать, не согласуясь с их желаниями и планами.

Ребята заснули, готовясь к экзаменам у Алёны в квартире, а проснулись, потому, что не могли поступить иначе. Слишком жаркая была она, чересчур возбуждённый он.

Не произнеся ни единого слова, обследовали пограничные зоны, последовательно освоив науку сближения без единой помарки, сразу набело.

Урок был усвоен поистине гениально. Души и тела воссоединились, зачав с первой попытки плод, создав семью без каких либо вопросов и трений, буквально сразу основатель-

но и бесповоротно.

Лёнька волшебным образом вспоминал не только события того времени. Перед его восприимчивой памятью проплывали видения, эмоции, чувства, даже запахи.

Алёна была и остаётся всем, что дорого. Неужели они действительно расстались?

Осознав глубину падения, Лёнька пришёл в неопиcуемый ужас. Такой исход сразу напомнил о конечности жизни, заставляя думать о последнем дне в трагическом ключе.

Где-то в глубине мелькнула внезапная мысль – что, если не ждать, когда жизнь станет совсем невыносимой? Взять и уйти самому, пока есть силы противостоять непреодолимым обстоятельствам.

Удивительно, но это не показалось греховным или абсурдным. Почему нет! Самое прекрасное уже пережито, ничего заманчивее жизнь преподнести уже не в состоянии. Взять и уйти вовремя.

Конечно, лучше расстаться с жизнью на вершине блаженства, но если невозможно, если отрезан путь назад?

Были и другие мысли, о том, что ничего невозвратного нет, пока жив, что нельзя опускать руки, сдаваться.

Тут же перед глазами возникла восклицательным знаком Алёна с чемоданом, её скорбные обвиняющие глаза. Вернуть прежнюю жизнь невозможно, поздно! Он проиграл. Взял и разрушил до основания всё, что создавалось совместно долгие годы.

Лёнька был абсолютно уверен, что его уход, неважно, из дома или жизни, не отразится на судьбе дочерей. Он просто освободит семью от собственной невезучести, от неумения быть добытчиком, строить счастливое будущее.

Ещё недавно за спиной были крылья. Не так давно Лёнька умел летать во сне. Как и когда успел стать пассивным, поверить в то, что ничего невозможно изменить?

Обстоятельства и трудности жизни убили способность видеть прекрасное, поступать не так, как все. Если человеку долго и обстоятельно что-то ломать и запрещать, у него появляется стойкая реакция отторжения и страха на любую житейскую трудность.

Как же ему хотелось прекратить эти несуразные размышления, но они агрессивно наступали. Лишь одно обстоятельство придерживало скорость принятия решений – желание узнать, так ли всё безнадёжно?

В кармане всё ещё лежал телефон. Стоит сделать звонок жене, задать главный вопрос, попытаться реабилитироваться. Ведь он даже не знает, что в той квартире происходило на самом деле.

Ну, не верит Лёнька в то, что способен был спать с той ужасной женщиной. Может поклясться чем угодно, что ни разу в жизни не изменил своей Алёнушке, даже мысленно. Нет для него ничего более дорогого.

Целую ночь, прожил он в непрекращающемся ни на минуту кошмаре, создаваемом собственными мыслями. Как же

это страшно, присутствовать на суде собственной совести, самого безжалостного и беспристрастного судьи, которого только можно вообразить.

Постепенно обозначилась цель, чёткий план действий.

Лёнька держал в руках заряженный телефон, пролистал семейные фотографии, не понимая, надеется или уже прощается с самыми дорогими людьми.

Время тянулось безжалостно, приближая рассвет слишком медленно. Лёнька не мог себе позволить разбудить Алёну раньше времени. Она не виновата в том, что он потерялся в реальном мире, став для неё и для всех призрачным прошлым.

Он считал и считал минуты, когда у изголовья жены звонит будильник.

Вот Алёна встаёт, умывается, готовит завтрак, накладывает контейнеры с бутербродами для Леночки. Сейчас разбудит дочь в первый раз. Девочка никогда не встаёт сразу. Теперь очередь Машутки. Эта вскакивает сразу, но не просыпается.

Минута за минутой Лёнька воссоздавал реалии той, прежней жизни, которая вот-вот или продолжится, или закончится совсем.

– Алёнушка, милая, – молитвенно обращался он к зловещему безмолвию, – ты вспоминаешь сейчас обо мне... или совсем вычеркнула из жизни?

Как это печально – прощаться с прошлым.

– Сейчас, ещё несколько минут, должна же она почувствовать.

Лёнька набирает заветный номер, слышит сигнал, потом отбой. Это невозможно перепутать, Алёна нажала кнопку отмены звонка.

Он пытается успокоиться, что удаётся с большим трудом. На глазах выступают предательские слёзы.

Усилием воли Лёнька подавляет желание расслабиться, утопает в слезах.

– Не время проявлять слабость. Да, я дошёл до грани, когда или да, или нет.

Смахнув невольно выступившую каплю, мужчина набирает номер повторно.

Опять отбой.

Двадцать попыток, одна за другой.

Леденящая душу тишина.

– Это приговор. Никто, кроме меня, в этом не виноват. Печально. Так нелепо завершить жизненный путь. Наверно я что-то важное упустил гораздо раньше. Не должно быть так, чтобы в результате одного нечаянного промаха сразу оглашали смертный приговор. Даже приговорённый к расстрелу должен иметь шанс оправдаться. Хотя бы на надежду, что изменения возможны. Значит, ещё один звонок не будет лишним.

Лёнька дрожащей рукой, уже не стесняясь безвольного потока слёз, набирает номер любимой, которая сейчас долж-

на поставить жирную точку, не важно, какую именно, в его нелепой судьбе.

– Милая Алёнушка, где ты, где, может на планете, на Земле? Может, только в сказке ты живёшь, может, на планете дальних звёзд.

Почему ему вспомнилась именно сейчас эта фраза из песни, которая никогда не нравилась? Наверно так приговорённые к смерти должны прощаться с жизнью.

– Ну и пусть. Меня некому будет оплакивать.

Телефон опять оставил гудки без ответа.

Это судьба. Сколько не скрывайся от неё, отвечать за поступки придётся.

Решение раствориться, исчезнуть, сгинуть пришло внезапно.

– Нечего прикидываться слабаком. Я докажу, что не перестал быть мужчиной, уйду из жизни достойно.

Лёнька порвал на полосы две старые простыни. Они ветхие, но если брать шире, потом скручивать, должны выдержать его вес.

Неожиданно его посетило спокойствие, даже руки перестали дрожать.

Верёвка готова. Только куда её приспособить? Нигде нет годных крюков.

Лёнька долго осматривал комнату, наконец, решил просто выкинуть конец верёвки с большим узлом через форточку и закрыть её на шпингалет.

Сделав петлю, испытав, легко ли она затягивается, Лёнька предпринял необходимые меры, чтобы не отыграть назад, если испугается вдруг, если передумает.

Всё просто: отодвинуться до предела назад, встать на колени, набросить петлю, извиниться перед дочками и женой, что не может попроситься по-настоящему, лишь мысленно.

Надо позволить себе последнюю слабость, ещё один, последний звонок. Контрольный. Тишина.

Ухмылка, больше похожая на крик ужаса. Раскрытый телефон аккуратно ложится на пол.

Нужно отрезать последнюю возможность избавления. Лёнька выбирает позу, из которой невозможно вернуться к свободе, засовывает обе руки под брючный ремень, протискивает до самого конца и затягивает петлю, повисая в ней таким образом, чтобы она под весом тела выполнила безжалостную задачу.

Сначала стало невыносимо больно, не хватало воздуха. В голову пришло сомнение – так ли необходимо уходить из жизни?

Ужас происходящего пронзил всё его живое существо.

Поздно, руки прочно затянуты. Идея просунуть их под ремень была предельно циничной.

Его начинает мутить. Несколько неудачных рывков, нелепых попыток освободиться, лишь туже затягивают петлю.

В голове появляется красная пелена, предметы слегка расплываются.

В этот момент загорается экран телефона, высвечивая фотографию улыбающейся жены.

– Это она, Алёна, – затуманенным уже сознанием понимает Лёнька, – всё-таки позвонила. Извини, любимая, ты немного опоздала. Совсем чуточку.

Практически без сознания Лёнька предпринимает бесполезные попытки лихорадочно ползти, чтобы ослабить натяжение верёвки. Звонок напомнил, что жизнь не настолько плохое и бесполезное занятие.

Инстинкт самосохранения начинает работать сам по себе. Мозг не согласен расставаться с миром живых.

Неожиданно Лёнька начинает мочиться под себя. Лужа под ним растекается, снижает силу трения.

Всего несколько сантиметров удаётся отыграть у неизбежного, чтобы подтянуться напряжением шейных мышц, перевернуться, вытянуть одну руку из удавки ременного пояса, расслабить убийственную петлю.

Вдох отдаётся в лёгких мучительной болью, по всему телу прокатывается спазм.

Несмотря на возобновление возможности дышать, Лёнька теряет сознание, но перед этим успевает схватить телефон как спасительную нить, прижимает его к себе.

Очнулся он довольно не скоро.

Горло сковывала сильнейшая боль. Казалось, что в трахею забили тугую пробку. Сознание возвращалось медленно, словно качалось на волнах.

Первое, что пришло в голову, – я жив. И спасла меня жена, Алёнушка. Последний звонок был от неё.

Ничего не понимая и не видя, Лёнька нажал кнопку вызова. Жена ответила моментально, словно ждала этого звонка с нетерпением.

Увы, Лёнька ничего не мог ей сообщить, потому, что потерял дар речи, даже хрипеть было мучительно больно. Он благодарен ей за то, что простила. В этом Лёнька был уверен.

Всё-таки жизнь – прекрасное состояние, как ни крути. Если судьбе будет угодно, всё разрешится хорошо.

– Я обязательно найду достойную работу, землю рыть буду, но не заставлю больше семью, ни в чём нуждаться. Алёна непременно найдёт меня, поможет выжить, если смерть посчитает нужным уступить ей это право.

В голове промелькнули ещё несколько размытых, радостных, но обрывочных мыслей, и тут же погасли.

Наверно Лёнька просто устал. Родиться заново – это так непросто!

Люблю! Люблю! Люблю!

*Подушка сохранит пустые сны,
как первоклашка – стеклышки цветные;
царапины глухим глаголом «были»
годами заживать обречены...*

Ксения Хохлова

Среди нас живут люди, мечтающие о любви с детства: родились и сразу же поняли, что иного смысла в жизни нет, и быть не может. Именно такой была Вика Куницина. Мысли девочки были сосредоточены на том, чтобы не пройти ненароком мимо своего счастья.

Влюблялась она всерьёз и часто, но ожидание чуда каждый раз обманывало: то мальчишка ничего не смыслил в любви, то оказывался совсем не таким, каким выглядел со стороны.

В начале десятого класса в школе появился Дима Кучин, который как-то сразу показался ей симпатичным.

У него была приятная внешность, покладистый характер. Вике нравились как ни странно даже его недостатки.

Поначалу она не поняла, что влюбилась: приняла его внимание за обыкновенную дружбу. Дима ходил за ней повсюду, старательно вникал в суть многочисленных, не всегда понятных ему девичьих интересов, опекал в меру способностей.

С мальчишками с некоторых пор юноше было не особен-

но интересно, даже скучно. То ли дело Вика... у неё такое изобретательное, безудержное воображение, такая неуёмная фантазия.

Девочка могла часами с пылким азартом рассказывать об интересном, неожиданном, происходящем в её жизни, чего хотелось бы непременно испытать, увидеть, потрогать.

Она жила сокровенными мечтами с налётом романтических иллюзий, была одержима идеей всеобщей справедливости, видела и чувствовала то, чего быть не может в принципе, но всё это реально происходило в воображаемом ей мире; более того, Вика на полном серьёзе утверждала, будто каждую ночь принимает участие в невероятных приключениях.

Димка внимал увлекательным повествованиям, похожим на приключенческие новеллы, открыв рот, умилялся трогательной чувствительности, восторженному ликованию подруги, на ходу сочиняющей причудливые истории. И верил в то, что так и было на самом деле.

Наверно он был единственным, кого соблазняли и завораживали её неуёмные фантазии. Учителя и родители буйное воображение девочки воспринимали скорее как порок развития.

И ладно. Подумаешь!

Однажды она призналась маме, что у неё есть друг, который больше, чем друг, которого зовут Дима.

– Мамоchка, мне кажется... что у нас не просто дружба, это нечто большее, такое... волнующее, трогательное. Он

необыкновенный, особенный. Дима говорит, что я просто прелесть, что такие девочки рождаются раз в тысячу лет. Можно, я его в гости приглашу?

– Пожалуй, не надо, дочка, пусть он и дальше так думает. А ты осторожнее. Всё необыкновенное, девочка, заканчивается беременностью.

Было очень обидно, но мама есть мама. Влюблённым пришлось перейти на нелегальное положение.

На выпускном балу (настроение в тот памятный день было до невменяемости сентиментальное, эмоционально насыщенное сверх всякой меры, даже слегка плаксивое), они с небывалым пылом обнимались, целовались по-настоящему, словно прощались навеки.

Вика ревела взахлёб, сама не понимая отчего. Было одновременно очень хорошо и слишком плохо. Девочка вжилась в школьные будни, привыкла к ним, к подругам.

Даже Дима не мог полностью заменить уютный, предсказуемый мир.

После школы любимого почти сразу призвали в армию.

Вика ждала его, как обещала на проводах, писала обстоятельные, с массой мельчайших подробностей, глубокомысленных размышлений и сокровенных переживаний сентиментальные письма.

Вообще-то она ни о чём настолько серьёзном как создание семьи не помышляла, но ведь поклялась на волне эмоционального всплеска, сопровождающего расставание на дли-

тельный срок, ждать солдатика, значит необходимо выполнять обязательство.

Конечно, давать обещания, клятвы – довольно опрометчивый, не очень разумный импульсивный поступок для незрелого возраста. Обещание отложить жизнь на целых два года напоминало Вике строгий собачий ошейник: очень уж неудобно постоянно контролировать каждый шаг, ограничивая себя в желании совершать спонтанные жизнерадостные поступки.

Словно к столбику тебя привязали: сиди и жди непонятно чего. Если станет неважно – разрешено немного поскулить, в крайнем случае, твякнуть, чтобы напомнить самой себе о том, что где-то там, за полторы тысячи километров, несёт нелёгкую службу Дима.

Мимо тем временем проносится до одури интересная жизнь. Тебе же остаётся о ней только мечтать, потому только, что практически добровольно наложила на себя ограничивающие рамки, пообещав до встречи через жуткое число бесконечных дней зачем-то быть добродетельной и скромной, отказываясь от беззаботной, пусть немного легкомысленной жизни здесь и сейчас.

А зачем!

Любовь, которую пришлось задвинуть в область несбыточных фантазий, выстраивать там новые сентиментальные лабиринты, размещать в них соблазнительные декорации, наполнять их сокровенными тайнами, покрытыми ореолом

мистических событий, дразнила соблазнами не только душу, но и тело.

Переживание выдуманных эмоций, конечно же, обладало сверхъестественной силой, но жизнь вокруг кипела настоящими событиями. И мальчики, живущие рядом, тоже были настоящими.

Замуж она не стремилась как другие девчонки. Мамка говорила, что только глупые курицы выскакивают за первого встречного, очарованные впечатлением от незрелой подростковой влюблённости.

– К выбору мужа, тем более отца собственных детей, нужен серьёзный, взвешенный подход, девочка моя. Это тебе не стакан чая выпить, это ответственность на всю жизнь, – говорила она.

Оно и понятно, но всё же, откуда ей знать, что такое та самая любовь, как отличить настоящую любовь от встречного поперечного?

Неизвестно ведь, насколько своим и желанным Димка после службы вернётся. Может у него там... сто невест было!

Письма от Димки приходили каждую неделю. *“Люблю! Люблю! Люблю!”* В ином послании раз двадцать повторял эту магическую фразу.

– А если правда любит! А я... я-то его люблю? Вроде нет ничего такого. А раньше казалось что было.

Чтобы узнать, что именно Дима по отношению к ней чувствует, решила Вика, надо подождать.

Там видно будет.

Девчонки, ровесницы, чуть не поголовно замуж повыскакивали. Некоторые родить успели. Кое-кто развестись.

И опять, как ни в чём не бывало в невестах ходят, тоже о вечной любви мечтают.

Зачем, спрашивается, замуж-то ходили, хотели от штампа в паспорте чего?

Вот и Вика не знает, чего хочет. Но Диму с нетерпением ждёт, сочиняет тысячи историй с его участием, переживает иллюзорные события, которые с каждым новым днём приобретали всё более откровенный интимный характер.

Вике снилось, как Дима с чувством прижимает её к себе, как неистово ласкает губами, руками.

Безумные поцелуи, нежные прикосновения к горячим по какой-то причине соскам и там, внизу, вызывали невыносимо приятные судороги, которые трепетными разрядами пробегали по невероятно чувствительной коже, заставляли напрягать пресс, втягивать живот, извиваться, стонать.

Просыпаясь в момент пикантных кульминаций, которых Вика теперь с нетерпением ждала, девочка чувствовала, как сладко бурлят внутри интимные соки. Тело вновь и вновь требовало повторить взрыв эмоций, вызывающих невероятно яркий чувственный экстаз.

Вику одолевало желание как можно скорее распроститься с девственностью и свершить, наконец, интимный ритуал, позволяющий испытать все эти соблазнительные нежности

на самом деле.

Ей стало казаться, что действительно безумно влюблена в Кучина, что именно он – то, без чего жизнь теряет смысл. Мысли девочка сосредоточила на ожидании семейного счастья, которое теперь имело конкретное воплощение.

Дима демобилизовался немного раньше назначенного срока. Старослужащим назначили аккорд, строили генералу дачу. Стимул серьёзный, вот они и расстарались.

С автобуса Кучин бежал как подорванный к невесте, не заходя к родителям.

Целоваться полез уверенно, даже нагло, словно право имеет.

Совсем не таким Димка вернулся. Хуже, лучше – не понять, но другой, будто и не он вовсе.

Она ведь успела себе внушить, что любовь – это Дима. От одного только имени у неё начинала кружиться голова, что-то неведомое, но ужасно приятное, распускалось внутри, подчиняя сознание и тело единственной цели – вызвать вновь самые яркие ощущения из всех, которые до сих пор довелось испытать.

Вика смотрела на любимого с восторгом, – наконец-то! Она ведь и засыпала последнее время с реальным ощущением его присутствия.

Процедура первого после долгой разлуки свидания была продумана до мелочей, отрепетирована много раз.

Вика должна была всплакнуть, рассказать всё-всё: как

бесконечно долго тянулось время, как много тёплых слов необходимо сказать, как любит, что чувствует, о чём мечтает. Даже о том, что происходило интимных в сновидениях, хотела признаться. Раз уж решили стать мужем и женой – нужно быть предельно откровенными.

Но встреча пошла не по плану.

Дима впился в её губы слишком жадным, не очень вкусным поцелуем, бессовестно мям грудь, хотя она не давала на это согласия, зачем-то залез в трусы.

Нет, не так Вика представляла себе объяснение в любви, предложение руки и сердца.

Она ничего из того, что снилось, не почувствовала.

– Ладно, уж, пусть целует, – решила она, – наверно просто отвыкла.

В этот же день, точнее, ночью, случилось всё то, что казалось волшебной сказкой.

Душа почему-то совсем не желала изнемогать от сладкого восторга. Тело сковали судороги совсем иного свойства.

Было ужасно стыдно, когда Дима разорвал на ней трусики. Вика должна была снять их сама. Когда будет готова.

Девочка вяло, неуверенно сопротивлялась, понимала, что рано или поздно это должно произойти, но не так, не так. В происходящем не было никакой эстетики, не было красоты, романтики.

Не было даже любви.

Кучин с силой раздвинул её ноги, уверенным движением

задрал их выше головы, долго не мог попасть в цель. Наверно, тоже волновался.

Вика затаилась, притихла. Всё её существо парализовало ощущение беспомощности, растерянности, отвращения и страха, которые вскоре заместила острая боль.

Дима был очень сильный, сломить сопротивление хрупкой девчонки – дело одного мгновения.

Казалось, он был вне себя.

– Что случилось, то случилось, – всхлипывая, подытожила окончание пытки Вика, – почему меня никто не предупредил, что секс – это удивительная гадость.

– Люблю, люблю, люблю, – с придыханием шептал Дима, пристраиваясь в той же позе ещё раз.

Вика заверещала во всё горло. Жених закрыл её рот воняющей чем-то терпким липкой ладонью, – с ума сошла! Предков разбудишь. Я тихонько, мяукнуть не успеешь. Соскучился, куколка моя. Какая же ты сладкая, какая спелая. Тебе понравилось?

Знал бы, что Вика про него сейчас думала.

Утром девочку, теперь уже женщину, разбудил совсем другой Дима – предупредительный, ласковый, добрый.

– Как же хорошо, что ты у меня есть, Викуся, я так счастлив. Выходи за меня замуж!

Вика, было, разревелась, но вовремя вспомнила, что не дома, что за стенкой Димкины родители.

Стыдно-то как, что они о ней подумали!

Время невозможно повернуть вспять. Согласна она или нет – теперь не имело значения.

Через несколько дней Димка получил паспорт и потянул Вику на регистрацию.

Мамка костерила, пыталась отговорить, – не торопись дочь, сгоряча можно такого наворотить! Как потом расхлёбывать – вот где уравнение с миллионом неизвестных. Погуляй, узнай, что почём. Два года ведь не виделись, отвыкли... а ты сразу в хомут шею суёшь. Ой, не нравится мне всё это, ой не нравится!

– Какой хомут, мамочка! Не понравится – разведусь. Все теперь так делают. Да и поздно уже что-то менять.

– Что-о-о, уже поздно, горе мне, горе-е-е! Вырастила на свою голову... такую же непутёвую. Как мать. У меня мужа не было, и у тебя не будет. Кучин... ты папашу-то его видела? То-то и оно!

Немного больше чем через месяц Вика поняла, что беременна. Пришлось самой торопить со свадьбой.

Не хотела по залёту, да вроде как нужда заставляет, а любит или нет её Димка на самом деле, не поняла, не разобралась.

– Сама дурища! Нужно было предохраняться, как мамка советовала. Так нет же, пошла у Димки на поводу – ощущения ему, видите ли, не те. Теперь в самый раз, те будут. Как теперь Димка запоёт, мы ведь такой вариант событий не обговаривали? Ну и как теперь! Не на аборт же идти, в самом

деле.

Димка особенного энтузиазма не проявил, но и на попятную не пошёл, – а чё, рожай. Выплывем.

Свадьбу сыграли скромную. Мама Вики ушла жить к бабушке. Молодым её однокомнатная квартира в качестве семейного очага досталась.

Поначалу всё замечательно складывалось, даже слишком: любовь-морковь круглосуточно, шквал сказочных эмоций (не обманули-таки Вику фантазии), новизна чувств и ощущений, свобода полнейшая, самостоятельность. Ешь что хоч, спи, сколько влезет.

На руках Димка её не носил, но кофе в постель по утрам таскал после часовой эротической зарядки, приятные безделушки чуть не ежедневно дарил. Букеты ярких цветов, ужины при свечах, невероятные, порой весьма нескромные, но чудо какие приятные ласки: всё было.

Димка устроился работать к отцу, автослесарем в его мастерскую. Зарабатывал прилично. Старался, всем необходимым обеспечивал. В обмен на послушание и секс.

Вика между тем к стремительно растущему животу и сугубо семейному статусу привыкла: старалась быть хозяйственной, экономной, домовитой, ласковой.

Переделает, бывало всё по дому, сядет в кресло, беременность ласково оглаживает, разговаривает с тем, кто внутри, музыку для него включает. Моя, – говорит, – Анжелочка, ангелочек ненаглядный!

Родила Вика в срок. К Димке успела прирасти, привязаться.

Готовится, бывало, к его приходу, словно счастье безграничное предстоит встретить.

И он в выражении искренности чувств не отставал, – милая, дорогая. Люблю, люблю, люблю!

Через месяц после родов муж неожиданно стал придирчивым, раздражительным: раскричится на пустом месте, наговорит обидных слов, уляжется на кровать лицом к стенке и сопит как паровоз.

Немного погодя пристрастился водкой да пивом стресс снимать.

Сначала раз в неделю напивался, потом каждый день. Приползал из мастерской еле живой, грубил.

Анжелка (родилась действительно девочка, совсем малюсенькая) – дитя беспокойное, болезненное, не оставляла времени обстоятельно обихаживать дом.

Этот, она теперь Димку иначе называть не могла, потому что вёл он себя как дикое животное, сходу орать начинал.

Дочка пугалась, заходила в истерику – не успокоить.

Начнёт муженёк скандалить – ум у него напрочь отшибает. Не поймёт Вика, он это, или уже не он. Словно подменили человека. Теперь вон, ещё новость: помада губная на воротнике, стойкий запах женских духов.

Объясняет, мол, лакокрасочный состав так пахнет. Интересно Вике на ту штучку, что он так старательно красил, по-

глядеть. Говорила мамка, – не ходи замуж за первого встречного. Не послушала. Получай... любимая!

Сегодня совсем никакой припёрся. Вика даже кормить его не стала, обиделась.

Легла дочку усыпить, отвернулась к стенке. Димка разорался, что мужа, как положено (ногами кверху, ноги врозь) не встретила, из постели вытащил и кулаком со всей дури в глаз приложился.

Вика со страха и от боли машинально заехала ему коленом между ног, за что получила добавочную порцию жестоких ударов, теперь уже ногами.

Ревела всю ночь, пыталась хоть как-нибудь замазать ушибы и ссадины.

А Димка, изверг треклятый, храпит и перегаром на всю квартиру благоухает.

Под утро Вику разморило, уснула. Проснулась – на зеркале от трюмо размашисто губной помадой кривыми буквами выведено: *“Люблю! Люблю! Люблю! Только тебя, родная. Прости, исправлюсь”*.

– Ну, на кой ляд мне такая любовь! Гнать нужно такого любовника в шею... пока не поздно. Интересно, похмеляется сейчас... или очередной кузов какой-нибудь зазнобе лаком покрывает?

Вечером Димка пришёл раньше времени. С цветами, коробкой конфет, огромным песочным тортом, с бутылкой шампанского и двумя бутылками марочного коньяка.

Улыбается, целоваться лезет, – ну чё ты, Викуся, ну чё... чёрт попутал. Перебрал малёхо. Так я это... компенсирую. Хочешь – шубу куплю.

Вика сделала вид что простила. Очень уж убедительно уговаривал, включив весь арсенал обаяния: словоблудие, эротический юмор, приятные комплименты, лесть, чувственные ласки.

Её грудь уютно запрыгнула в ласковую ладонь мужа, превратившись в сплошную эрогенную зону, дав сигнал к началу удивительно вкусного любовного томления.

Если бы не болезненные синяки, Вика возбудилась бы ещё раньше.

Окончательно, как водится у семейных пар, мирились в постели, правда, не успели её разобрать – торопились принести и принять извинение.

Голова Вики у его ног, где угрожающе вздымался и опал внушительного размера символ любви, его губы приятно щекочут чувствительную горошину там, где сосредоточена нежность, где жило прощение за нечаянную слабость.

В эту минуту Вика верила, что произошедшее – досадная случайность, что жизнь прожить – не поле перейти.

– Мамочка, – отлетая на территорию грёз, шептала про себя женщина, – как же ты неправа. Дима совсем не такой, Дима любит меня. Вот, если бы только не пил. А впрочем, пусть уж и выпьет иногда. Как же мне хорошо. Ещё, еще, ещё!!!

Немного погодя проснулась Анжелика, опять её что-то беспокоило.

Дима допил коньяк и возбуждился, – какого лешего я даже дома не могу отдохнуть! Заткни её... живо. Или я за себя не отвечаю.

– Это ребёнок. Ей плохо. Мог бы и на кухне поспать.

– Вот как ты, дрянь, заговорила, а в глаз!

На этот раз муж разукрасил Викусе оба глаза, выбил передний зуб, перебил нос, сломал палец.

Утром на зеркале слово люблю было написано пять раз.

Вика прыснула на зеркало стеклоочистителем, протёрла его, корчась от боли, посмотрела на отражение и подумала, – нет, дружочек, это я себя люблю.

И вызвала милицию.

Зина, Зиночка, Зинуля!

Плеснула ночь на кофе кипяток.

Чернеет небо в чашке горизонта.

Я обвожу словами мыслей контур.

В строках – лишь треть, две трети – между строк.

Вера Бутко

– Зина, Зиночка, Зинуля, – ласково называл любимую, а затем жену Яша ещё недавно, вкладывая в интонацию и чувственную мощь красноречиво сопровождающего это магическое действие взгляда изрядную порцию щедрого душевного тепла, искреннее восхищение и трогательно зачарованную симпатию.

Иногда заботливо, нежно звал куколкой, лапушкой, умничкой, и сокровищем. В моменты интимной страсти мог нашептать на ушко толику похотливых непристойностей, но доброжелательно, лишь для того чтобы подстегнуть влечение.

Осторожничал, боялся спугнуть тонкую ткань ошеломляющего, оглушительно интенсивного состояния безграничного счастья.

Вроде вчера ещё было так, но будто не в этой жизни.

Судьба ли, рок, жребий: как не назови то, куда занесла семейные отношения цепь драматических событий, ничегошеньки исправить уже невозможно.

Теперь Яшка обращался с ней бесцеремонно, грубо, словно не жена она, а собачонка безродная, которую можно пнуть, стегнуть плёткой, безжалостно ткнуть мордой в пол, заставить лизать сапоги.

К цинично выкрикиваемому приказу, – подь сюды, тварь... живо, – непременно добавлял унижающие достоинство эпитеты. И бил, просто так, “для профилактики”, походя, не разбирая куда, лишь бы почувствовала его беспредельную, ничем не ограниченную власть.

– Сдохла что ли, кобыла ленивая. Я тебя научу родину любить! Думала, в сказку попала?

Кто она теперь: рабыня, прислуга, наложница?

Не всё ли равно, ведь обращается с ней так законный супруг. А ей и податься некуда. Да и страшно.

Сгорбленная женщина, чутко прислушиваясь, сидела на краешке грубо сколоченной табуретки за накрытым в горнице столом. Судя по разорённому интерьеру трапезы и обилию разноцветных горячительных жидкостей, праздник или гульбище в самом разгаре.

На Зинаиде изрядно поношенное ситцевое платёйшко в мелких синих цветочках: чистенькое, но ветхое, висящее на исхудавшем тельце мешком. Неприбранная голова с сальными непокорными прядями некогда шелковистых, теперь ломких и тусклых волос. Сморщенные, в разноцветных синяках руки ладонями вверх безвольно лежат на коленях. Лицо – пустое, безвольное, не выражает ничего. Как и глаза:

выцветшие, безжизненны, блёклые.

Она помнит, как плескался в них насыщенный васильковый цвет, словно июньское небо, отражающееся в лесном озере. А ведь была, не так давно была Зинаида первой красавицей на деревне. Косы носила: блестящие, тяжёлые, толщиной в обхват запястья.

Сельские парубки пьянели от счастья, если чернобровая Зиночка позволяла пригласить на танец, разрешая положить ладонь на осиную талию. Млели взрослеющие ухажёры от нечаянной возможности в стремительном движении дотронуться намёком до спелой груди или крутого изгиба бедра.

Девочка никогда не была тихоней, но и лишнего никому не позволяла. Озорница, хохотушка, любимица хороводящихся девственниц, заводила посиделок и девичников. Отличница в школе, отменная работница, умница, рукодельница.

Всяк жених на селе мечтает залучить для нелёгкой деревенской жизни справную во всех отношениях невестушку. Зинаида девушка непростая. С норовом и понятием: одно дело дразнить да проказничать, совсем другое – вступить во взрослую жизнь.

Девчонка неукоснительно следовала вековым заветам целомудрия, потакая родительскому тщеславию, вызывая белую зависть и немалое восхищение у множества обеспокоенных будущим отпрысков отцов, в семьях которых подрастали женихи и претендентки на выданье.

Ей теперь тридцать пять лет. От былых достоинств и преимуществ, следа не осталось. Не молодлица, замужняя зрелая женщина. Могла бы в неге счастливо жить, детей рожать-нянчить, а она пришлых баб ублажает, коих муженёк стайками едва ли не каждый день для телесных утех в дом таскает.

Зинаида исподнее им стирает после игрищ сатанинских, спины в бане мочалками трёт, веником парит, за столом прислуживает.

Попробуй не подчиниться, изобьёт, унизит, а всё одно заставит. Силища у мужа нечеловечья, а разъярится – что кабан раненый становится: глазищи нальёт и тычет кулачищами в грудь да в живот, за волосы таскает, словно Зинаида не женщина – вещь, которую выбросить не жаль.

В соседней с горницей комнате дверь нараспашку. На скомканной постели шумно развлекается парочка, намеренно выставляя напоказ наготу и постыдную в неприкрытой откровенности мерзкую похоть.

Баба, перемежая беспричинный смех вульгарной многоэтажной матершиной, бесстыдно подставляет, нисколько не стесняясь, голый зад, задирает ноги выше головы, подмывает расшиперенными в стороны окороками как кошка в охоте; орёт, извиваясь в предвкушении пика сладострастия, требует вслух сильнее, глубже.

Яшка, а это он, Зинович законный муж, энергично качает корпусом, расшатывая скрипящую кровать, обливается

потом, издавая шлепающие и чавкающие звуки.

– Сочная ты Нюрка бабища, аппетитная! Вона сколько добра накопила. Не ленись, подмахивай шибче. Зинка, тварь, квасу неси, шевелись! Нюрка, ну-ка поддай шибче! Раззадорила, сейчас кончу! Давненько такую шуструю курочку не топтал. И-э-э-эх, лови от меня подарочек, шлюшка. У меня не забалуешь.

Зинка, озирается по сторонам, словно ищет заступы, встаёт шатаясь. На лице отразилась брезгливость, боль: не мышечная – душевная. Где это видано: при живой жене столь беззастенчиво блудить, не только не прячась, намеренно демонстрируя безнравственно циничную суть безумного разврата.

Отродясь о подобном кощунстве не слыхала. И ведь терпеть приходится. Более того – прислуживать.

Сейчас наиграются, Зинку заставят постель менять после непотребства: стирать, сушить, развешивать. Сами тем временем голышами за стол усядутся, закусывать примутся с аппетитом, кряхтя и охая.

Яшка после каждой стопки целует разухабистую бабёнку в губы, крутит ей соски-маслины, между ног бессовестно волосатую длань сует, а эта дрянь соком интимным обливается, хохочет, бессовестно раздвигая ноги, выставляя напоказ рваную рану бесстыжего лона.

Хорошо, сегодня не принуждает Зинку на эту непристойность глазеть. А то не понравится чего – кулачищем в лицо.

На правой скуле у неё изжелта-фиолетовый след от недавней мужниной ласки, глаз едва отходить начал от сизого синяка.

Что ж за жизнь такая, за что всё это мучение терпеть приходится!

Ведь не работает стервец.

Зина в доме и раба, и кормилица. Пусть и невелика её зарплата, но жить можно.

Было бы... кабы не это безобразие.

А ведь она не доярка, не телятница – главный совхозный ветеринарный врач.

Вся деревня о позоре Зинкином знает. Побои скрыть невозможно: синяки, ссадины, подавленное настроение, худоба лагерная. Но все молчат, только по углам шепчутся.

И председатель воды в рот набрал.

Убьёт же Зинку, зараза!

Не сегодня так завтра.

Или через месяц.

Да она и сама из такой жизни куда угодно, даже на тот свет убежать готова.

Эх-х, первая же красавица была!

Посмотрели бы на неё сейчас родители. Может и к лучшему, что не дожили, не увидели такой позор.

Зинка дрожащими руками налила в кружку квас, едва не расплескав, поставила на тарелку, прихватила полотенце, понесла в комнату.

Яшка рычит и стонет от избытка животного удовлетворения, закатывает от наслаждения глаза. Хотел было отвалиться, да передумал. Заломил ноги подружки за уши. Та, от неожиданности и боли, крикнула, испустив из дебелих чресел несвежий дух. Из груди её вырвался утробный крик, а из глаз слеза, безобразно потёкшая по щекам.

Грубо влетел восставшим, словно по приказу стержнем в чавкающее чрево.

Девка было взбрыкнула, но получив смачный тычок в бок обмякла, забыв как дышать.

– Зубы спрячь, шалава. Нам, детка, спешить некуда. Всё будем пробовать: спереди, сзади. Везде. Яшка в кобылах толк знает.

Зинаиду затошнило, но послушаться не посмела – квас принесла на вибрирующих негнущихся ногах. Подошла, отвернув голову, держит посудину с квасом, ожидая очередного приступа мужниной агрессии.

– У, дрянь, такой кайф обломала, с ритма сбила, зараза! Сызнава починать придётся. Вот заставлю вылизать ейную дырищу, – посмотрел на запыхавшуюся от скрюченной позы, испуганную переменой настроения кавалера подружку, рассмеялся, – не дрейфь, солдат ребёнка не обидит. Но это идея. Как я раньше-то не догадался?

Яшка сыто отвалился от срамной части Нюркиного тела, демонстрируя поникшие вдруг причиндалы, с размаху выбил из рук жены тарелку, ловко попав кружкой ей в лицо.

Зинаида вскрикнула, прикрываясь инстинктивно руками.

Яшка вскочил, – облила, тварь, – вlepил супруге кулачищем в ухо, добавил ногой в живот.

Женщина упала навзничь. Лежит – не шевелится.

– Да и хрен бы с этой тварью. Не сдохнет поди. А коли и так: на кой эта пададь нужна. На Зинку боле у меня не стоит. Вот на тебя, Нюрка, да! Моя мужественность просто в бой рвётся. Давай подымай моего молодца, тварюшка, ты же мастерица по интимным вопросам! Мужики твою квалификацию и сноровку хвалят. С супружницей позже разберусь. Давай заканчивать поскорей – пора глотку промочить. Зинка, тварь, иди закусь разогрей. Ишь, разлеглась! Врезал-то слегонца, для науки. Вполсилы. Притворяется, зараза. Анька, твою мать, чего уши развесила, работай давай! Задарма что ли поить тебя?

Хмель прибавил охоту иметь женщину, распалил желание, но забрал силу и способность удовлетворить порочную страсть.

Парочка провозилась в тщетных попытках закончить начатое действие.

Любовники пыхтели, ругались, затем принялись догоняться водкой.

В пылу страсти лиходеи нарисовал Нюрке нехилый фингал, потом они шумно мирились и наконец, заснули, так и не успев одеться, прямо за столом.

Зинаида очнулась далеко за полночь, голова гудела. Мо-

жет, ударилась, когда падала, или в ухо муженек попал неудачно. Лучше бы убил.

Чего делать-то, так и жить!

Машинально, по привычке или из страха новой порции издевательств, Зинаида прибрала со стола, вымыла посуду, подмела пол, старательно обходя храпящую в непристойных позах парочку, исторгающую из недр организмов невыносимую смесь алкогольного перегара с терпким запахом секса.

Угомонились. Теперь можно и Зиночке передохнуть.

Разом нахлынули воспоминания.

Боже, неужели вот этот вот, женщина никак не могла подобрать слово, позволяющее однозначно и ёмко очертить всю меру презрения и негодования, неужели она его любила? Ненависти Зинаида не испытывала: для этого нужно пересилить страх, который сковал основательно по рукам и ногам, не позволял дышать.

Омерзительное существо, вызывающее тошноту и отвращение, вот как!

Исковеркал жизнь, уничтожил самоуважение, унизил, растоптал достоинство. Что Яшка ей оставил, кроме брэнного тела, да и то дошло до крайней степени истощения.

Одежда на Зинаиде висит, грудь похожа на пустые наволочки. Крутые некогда бёдра выпирают острыми выступами, рёбра можно пересчитать поштучно. Впалые глаза, землистый цвет кожи.

Незнакомые люди видят её старухой.

В автобусе, когда приходится ездить в район, ей непременно уступают место. Люди, уже не молодые, называют мамашей. А у Зинаиды даже детишек нет.

Это тоже его вина.

Зина почти доносила первенца. Ребёночек под сердцем шевелился, пинал ножонками в живот: настоящий, живой.

Яшка бил ногами.

Для этого не было ни причин, ни предпосылок; алкоголь и лихое настроение решили разом судьбу и ребёнка, и матери.

Впрочем, свою жизнь он тоже вывернул наизнанку.

Яков пришёл в тот раз с работы поздно праздновали завершение посевной.

Председатель выделил приличную сумму на праздничное застолье. Мужики решили сэкономить на закуске: деньги до копейки потратили на водку и пиво. Заедали хлебом, майонезом с луком, плавлеными сырками и куревом, чтобы шибче вставило.

Развезло всех.

Усталость за две недели изнурительной работы от рассвета до заката усугубила действие горячительного. Яшка схлестнулся с Витькой Паниным, невзначай спросившим того, уверен ли он, что Зинка понесла от него.

Яков завёлся с полоборота, пришёл в неопишемую ярость, замахал пудовыми кулачищами умело, метко, прямым ударом угодив Витьке по сопатке. Нос хрустнул и потёк, разом залив застолье кровищей.

Завязался поединок. Оба парни дюжие, уступать не хотят и не умеют. Охотников разнимать не нашлось: дело молодое – пусть резвятся.

Витька сдуру орал, что якобы знает настоящего папашу Зинкиного зародыша, намеренно распаляя и без того озверевшего мужика, вселяя в него сомнение и беспокойство относительно отцовства.

Это была полнейшая чушь, однако слово не воробей – вылетело.

И втемяшилось Яшке в воспалённое восприятие собственного достоинства, которое моментально утратило точку равновесия.

Он взревел как раненый зверь, схватил огромный кухонный нож и всадил Витьке в живот по самую рукоятку, умудрившись покрутить для уверенности и пущего удовлетворения несколько раз, разворотив тому брюшину.

Застолье скоренько свернулось. Захмелевшие пахари, поняв, что произошло, разбежались кто куда: никому не хочется стать свидетелем убийства.

Яшка попинал в дополнение к уже совершённомu насилью поверженного противника, хряпнул вдогонку из горлышка чуть не половину бутылки водки, и, шатаясь побрёл домой.

По дороге его окончательно развезло. Ничего толком не помня, кроме одного – что Зинаида якобы изменила, что ребёнка на стороне нагуляла.

Доказательства ему не требовались: достаточно слова настоящего мужика, который, кстати, уже поплатился за паскудную новость.

– Поделом скотине! Жаль, не добил. С женой разберусь, потом ему добавлю.

Выбежавшую навстречу радостную Зинаиду Яшка с ходу облагодетельствовал кулаком, метя сначала в лицо, затем в живот, где, по его мнению, обитал свидетель измены.

Молотил, пока не притомился.

Заснул рядом с избитой Зинкой, которую спустя несколько минут зверски скрутило. У неё была сильная рвота от сотрясения мозга, внутреннее кровотечение; случился выкидыш. Женщину спасли, можно сказать чудом: в деревне нет врачей, только фельдшер после медицинского училища.

Сбежавшие участники пьяных посиделок сразу отправились к председателю, Фёдору Павловичу. Тот вызвал участкового и врача из посёлка. В деревне только два телефона: в правлении колхоза и в сельском Совете.

Участковый и врач прибыли через полчаса. Сначала обследовали место драки. Витька ещё дышал.

Его откачали в районной клинике, исполосовав весь живот. Рана оказалась глубокая, опасная. Зинаида пролежала в больнице больше месяца. Повреждения, нанесённые молодым супругом, чуть не сделали её инвалидом.

О причине избиения, Зина узнала, лишь полностью поправившись.

Яшка к тому времени уже был осуждён.

По совокупности совершённых преступлений и опасности телесных повреждений у потерпевших, дали ему пять лет.

На суде он утверждал, что виной всему неверность жены. Так и ушёл на зону, твердо уверовав в мифическую измену.

Зинаиде советовали развестись с Яшкой, пока тот отбывает срок, но она решила дождаться и выяснить, что на самом деле произошло.

Напрасно, опрометчиво она так поступила: фактически подписала приговор дальнейшей судьбе.

А начинались их отношения с большой любви.

Яков был симпатичным, хозяйственным, крепким. Мало кто мог сравниться с ним силой и статью. Юноша запросто поднимал на вилах целую копну сена. Мог бегом разгрузить, ни разу не отдыхая, машину деревянного бруса или мешков с цементом.

Взрослые мужики обычно просили у председателя его в подсобники, если предстояла изнурительная, физически очень тяжёлая работа. Яшка помогал на лесоповале, на пилораме, при постройке домов, разгрузке, и прочих работах, где требовалась грубая сила. Позже, перед армией, выучился на механизатора.

За Зиночкой начал ухаживать в восьмом классе. Иногда провожал, редко.

Девчонка была строптивая, характерная. Яшка, хоть и не робкого десятка, перед ней пасовал, боясь на чём-то настаивать.

вать. Оказывать обычные для его возраста знаки внимания, но Зина их, то ли не замечала, то ли принимала как должное в числе обыденных притязаний других мальчишек.

У нее ещё не сформировалась потребность любить, хотя где-то изнутри червячок коварного влечения уже завёлся.

Иногда Зинаида о Яше думала. Не просто как о деревенском мальчишке, сравнивала с прочими, чаще в его пользу.

Он казался Зиночке не только мужественным, но и забавным, интересным.

Бойкий юноша, деликатный, с привлекательными чертами лица. Яков умел её восхищать. Правда, виду она не показывала и повода думать о ней как о предмете страсти старалась не подавать.

Рано невеститься.

Однако парень к тому времени уже вполне созрел: мысли о девчонках и их восхитительных особенностях не давали сосредоточиться на чём-то ином. Яшка увлекался Зиночкой всё больше, грезил о ней днём и ночью; мечтал, представлял сценарии встреч, детали разговоров, даже прикосновения научился чувствовать, закрывая глаза. И млея, восторженно ощущая волшебные процессы, происходящие внутри.

Частенько при общении с ней, даже мысленной, Яшку обдавало волной жара, усиливалось сердцебиение, напрягался низ живота. Порой это становилось невыносимо.

Конечно, приятно было думать и о других девочках, но совсем не так.

Зина, Зиночка, Зинуля!

Яшка перекатывал на языке божественные звуки имени, которые сами по себе заставляли потеть и волноваться.

Чем сильнее Яков о ней задумывался, тем чаще ловил на себе её мимолётные взгляды. Каждый раз, будучи застигнутой врасплох, уличённой в пристальном разглядывании Яшкиного лица, Зиночка смущалась, краснела, отворачивала взор, начиная громко разговаривать, глупо смеяться. Иногда срывалась и убегала.

Юноша чувствовал, что это неспроста. Зиночка тоже им интересуется. Значит, надо быть настойчивее. Что, если сделать подарок, хороший, дорогой?

Деньги нужны. А он все заработки мамке отдаёт. Значит, придётся часть утаить. Главное выяснить, чего девушка любит.

Мужики сказали, что все женщины просто в обморок падают, если им преподносят духи и модельную обувь.

Значит, надо копить на туфельки. Или на духи?

Пусть, будет то и другое.

Тогда без вариантов: от благодарности захмелеет, как дышать забудет. Может, даже поцелует! Почему нет, она что – особенная?

Мальчишки со своими подружками давно целуются, а Яшка Зиночку даже за ручку ни разу не держал. На танцах не в счёт: там, как бы, не совсем всерьёз. Игра, одним словом. Там она со всеми танцует, кто пригласит. И обнимается

тоже со всеми. А нужно, чтобы только с ним.

И ведь накопил.

Зиночка примерила подарки, понюхала, а брать отказалась.

– Что родители скажут, подумал? И вообще... ты что это – купить меня надумал!

Однако довольная была – словами не передать.

В тот день Яков первый раз Зиночку проводил до калитки.

И поцеловал.

В щёчку.

Девушка зарделась, сжала кулачки. Поцелуй всё же вернула, неловко чмокнув кавалера в подбородок.

И сразу убежала.

В сенях, как только захлопнула дверь, прижалась к стенке, закрыла глаза, мысленно прокручивая острые до невозможности ощущения. Унять биение сердца, сбившееся дыхание, успокоить испепеляющий жар в теле, не получалось.

За этим загадочным занятием девочку едва не застали.

Папка выпрашивал, отчего дочурка такая красная, не заболела ли? Таблетки от простуды предлагал, помог расстелить постель, дал выпить горячего молока с мёдом.

В эту ночь Зиночка ни на секундочку глаз не сомкнула: маялась крамольной мыслью, что поторопилась убежать, чего делать не следовало.

Надо было ещё немножечко с любимым побыть.

Вот оно, значит, как бывает!

– Раньше был цыган цыганом, теперь Яшенька. Потому что тувфельки подарил? Какая же я глупая! Осторожней нужно быть. Присмотреться. Ну, и что тут можно увидеть, что влюбился в меня по уши? Я и так об этом знаю. У него на лице о том написано крупными буквами. Так я, выходит, тоже того... тоже втрескалась! Отчего сердце трепещет, наружу рвется? Неужели у других так же! Но ведь раньше такого не было.

Это знак. Небеса сигнал посылают, чтобы мимо счастья не прошла. Точно, провидение хочет, чтобы я знала о том, чтобы сосредоточилась, подумала.

Имя у него красивое: Яшенька. Миленький мой! Может и мой. Пусть себе целует, с меня не убудет.

Хочу невестой быть.

И фату хочу. И белое платье. Свадьбу, чтобы вся деревня гуляла, за нас радовалась. И ребятишек. Трое. Две девочки и мальчика. А фамилия у мальчонки будет Проскурин. Иван Яковлевич Проскурин.

Звучит?

Еще как звучит! Вот размечталась, глупая. Почему нет! Я что, хуже других! Тоже хочу мешок счастья. Даже два мешка. Чтобы на всю жизнь хватило.

Кажется, я действительно влюбилась. Только это секрет.

Никому не скажу. Родителям в особенности. Счастье тишины требует.

Намечаюсь вдоволь, в воображении всё перепробую:

пусть поволнуется. Я девушка бесценная.

Яшенька, любименький мой!

Пока выбираю да ломаюсь, шустрые девчата возьмут и уведут. Нет смысла упрямитесь. Особенный интерес тоже демонстрировать ни к чему. Уступать надо помаленьку, не торопясь.

Яшка запретный плод ещё до Зиночки отведал. Но хотелось большего, а подружка строга, вольностей не позволяла.

– Зина, Зиночка, Зинуля! Звездочка моя ясная, цветик ненаглядный, что, если сватов направлю, руки твоей просить?

– Что ты, что ты! Мала я ещё. Дай вначале школу закончить. Погуляем пока, обвыкнемся. Дождись, пока вырасту, созрею.

– Как решишь, любимая, так и будет. Всё стерплю.

– Знай, я твоя суженая. Это наша большая тайна.

Так ходил Яшка за недотрогой до самой весны.

После посевной его в армию призвали. Проводили, как положено, всем селом.

Зиночка слёзы лила, ждать обещала.

Начался в их жизни новый этап: роман в письмах.

Никогда до этого не сочинял Яков посланий – не было нужды, а любовь заставила.

Отец хотел, чтобы Зина отправилась учиться в область, но, Зиночка ни в какую.

– Яшеньку дождусь, вместе решим, как жить дальше.

Пошла на ферму лаборантом работать. Заодно ветеринарному врачу, Арсентию Павловичу, помогала.

Старенький, давно на пенсии, но заменить его некем, сам помощницу зовёт. Объяснял, показывал. Иногда давал отдельные поручения.

Наставник нахвалиться на девушку не мог, председателя попросил на учёбу её послать.

Три года тянулись долго, невыносимо долго, бесконечно, но закончились вдруг, а ведь это немалый срок, чтобы разобраться в чувствах.

Зиночка уже сама через силу с эмоциями справлялась. Десять лет, пусть сватов присылает.

Яшка прямо с паромной переправы отправился к Зиночке. Даже к родителям не зашёл. Повзрослел, заматерел, вытянулся: плечи широченные, руки как кувалды. Сияет.

Целоваться начали, не успев поздороваться.

Теперь-то ему можно всё.

Вечером отмечали демобилизацию. Яков ни разу к рюмке не притронулся: ждал, когда гости разойдутся.

Целовались всю ночь.

Сватать Зиночку собралась чуть не вся деревня.

Свадьбу гуляли с размахом.

Зиночка обмирала от радости, но силилась представить, что дальше будет.

Представления Зиночки о семейной жизни ограничивались целомудренными поцелуями и застенчивыми объятиями.

ми на закате. Дальше всё – чёрная дыра.

Страшно, когда не ведаешь, с чем придётся столкнуться.

Больше всего девочка переживала тот факт, что теперь спать вместе придётся.

– Это как, – переживала она, – может, ну её, свадьбу эту?

Страхи относительно проблем в начале семейной жизни не подтвердились: муж оказался на редкость нежным и терпеливым. Торопливость и суета были ему несвойственны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.